

Лебедев А. П. Обзор источников истории Греко-восточной Церкви после падения Византийской империи с критическими о них замечаниями // Богословский вестник 1894. Т. 1. № 3. С. 512–570 (2-я пагин.).

Обзоръ источниковъ исторіи Греко-восточной церкви послѣ паденія византийскаго имперіи, съ критическими о нихъ замѣчаніями.

Изучающій древнюю церковную исторію не испытываетъ никакихъ затрудненій въ собраніи и изученіи источниковъ: они хорошо извѣстны, прекрасно изданы, перечислены въ каталогахъ и въ церковно-историческихъ руководствахъ наиболѣе просвѣщенныхъ народовъ. Имѣя подъ руками „Патрологію“ Миня, „Соборные Акты“ Манси и нѣсколько пользующихся почетною извѣстностію церковно-историческихъ сочиненій новѣйшаго времени, желающій изучать древнюю церковную исторію, не встрѣтитъ большихъ затрудненій при исполненіи своего намѣренія и въ томъ случаѣ, если бы мѣстомъ своего жительства избралъ Сандвичевы острова. Положимъ, имѣя въ своемъ распоряженіи вышеуказанныя книги, неизвѣстное гипотетическое лице не въ состояніи будетъ сдѣлать всего, чего бы оно пожелало, но во всякомъ случаѣ ничто не мѣшаетъ ему сдѣлать очень многое. Въ иномъ положеніи находится тотъ, кто пожелаетъ изучать исторію греко-восточной церкви новѣйшаго періода, до нашего времени. Если бы таковой и не избиралъ мѣстомъ своего жительства Сандвичевы острова, а спокойно проживалъ бы въ богоспасаемомъ Сергіевомъ Посадѣ, бокъ-о-бокъ съ московскою академіею, все же онъ очутился бы въ худшемъ положеніи, чѣмъ вышеуказанное гипотетическое лице, поселившееся на упомянутыхъ островахъ. Со всѣхъ сторонъ одолеваютъ его препятствія: ни одна благодѣтельная рука не собирала и не бралась исчислить самонужнѣйшія книги, необходимыя при изученіи новѣйшей греко-восточной церкви, ни одинъ критикъ

не произвелъ оцѣнки этихъ книгъ; самыя книги этого рода составляютъ рѣдкость наравнѣ съ рукописями; онѣ большею частію стары, безобразно изданы, напечатаны слѣпыми шрифтомъ, страницы ихъ небрежно пронумерованы (съ пропусками), форматъ вандальскій, оглавленій содержанія нѣтъ или же они напечатаны на ряду съ текстомъ сочиненія; въ продажѣ искать книги очень мудрено—въ Лейпцигѣ отсылаютъ въ Константинополь, а въ Константинополь на оборотъ, да и самыя книги очень дороги; отысканіе книгъ въ продажѣ затрудняется и тѣмъ, что одно и то же старое сочиненіе у разныхъ авторовъ нашего времени оглавляется различно—по вдохновенію минуты, имена писателей разсматриваемыхъ книгъ пишутся то такъ, то иначе—съ перемѣной одной или нѣсколькихъ буквъ въ фамиліи; если и обрѣтешь нужную книгу, не радость внушаетъ она: или она съ вырванными листами, неизвѣстно какое употребленіе нашедшими, или не смотря на сторулевою цѣнность и рѣдкость, испещрены замѣтками невѣжественнаго, конечно русскаго читателя. Это во многихъ отношеніяхъ удивительная литература: имена дѣйствительныхъ авторовъ книгъ исчезаютъ, благодаря мудрованію типографій и замѣняются другими никому невѣдомыми, при чемъ проходятъ потомъ столѣтія и никто не замѣчаетъ, что имя автора извращено; книги, написанныя на древле-греческомъ языкѣ, безъ нужды переводятся на ново-греческое нарѣчіе; а книги, написанныя на этомъ нарѣчій издаются—неизвѣстно почему—въ переводѣ на древне-греческій языкъ, а въ концѣ концовъ въ новомъ изданіи тратится неимовѣрный трудъ на восстановленіе первоначальнаго языка, на которомъ книга написана авторомъ; а содержаніе книгъ заключаетъ неимовѣрную массу глупостей; въ одной старинной книгѣ, посвященной греческой церковной исторіи, появившейся въ началѣ XVIII вѣка, и имѣющей у насъ въ рукахъ, какой-то неизвѣстный читатель стариннымъ почеркомъ (не русскаго пошиба) начерталъ слѣдующія слова: *Dans tout cet ouvrage m—r (nomina odiosa sunt—имя пропускаемъ)... fait parôître une grande ignorance de l'Histoire Ecclesiastique*“, и критикъ правъ, сто разъ правъ, тѣмъ не менѣе онъ говоритъ о такомъ источникѣ, который считается очень важнымъ.

Въ виду такого положенія вещей, мы и рѣшились первѣе всего въ наученіе себѣ, а потомъ пожалуй, и ради вспоможенія другимъ людямъ, еще менѣе опытнымъ въ наукѣ, чѣмъ мы сами, составить обзоръ самонужнѣйшихъ книгъ при изученіи указаннаго періода церкви, съ показаніемъ научнаго значенія этихъ книгъ. Сдѣлаемъ что можемъ, за неимѣніемъ возможности сдѣлать большаго.

Но прежде чѣмъ приступить къ составленію задуманнаго нами обзора указанныхъ книгъ, мы должны довести до свѣдѣнія читателя, что книгъ этихъ мало, такъ мало, что совѣстно становится за Грековъ. Аѳинскій ученый нашего времени Сата говоритъ: „за неимѣніемъ политическихъ хронографій, мы могли бы надѣяться, что въ записяхъ патріархіи и въ церковныхъ хронографіяхъ найдемъ тотъ свѣтъ, который нуженъ для освѣщенія страницъ этого мученическаго (т. е. нашего) періода исторіи, но къ сожалѣнію, приходится покинуть эту надежду“ ¹⁾. Проф. И. И. Малышевскій съ своей стороны къ этому добавляетъ: „въ Вѣну перешла часть архивовъ изъ Константинополя послѣ паденія Византіи. Поэтому вѣнская императорская бібліотека обладаетъ богатѣйшими сокровищами для исторіи греческой церкви. Но и въ итальянскихъ бібліотекахъ, особенно Венеціи, осталось еще довольно“ (документовъ) ²⁾. Изволите ли видѣть — въ Вѣнѣ, Венеціи! Не сладкая доля ожидаетъ историка греческой церкви новѣйшихъ временъ: на основаніи очень неопредѣленнаго онъ долженъ говорить что-либо опредѣленное, на основаніи малоизвѣстнаго что-либо положительное, какъ бы изъ камня источать воду. — Но приступимъ къ обзору ³⁾.

I. Послѣдніе византійскіе историки.—Извѣстенъ цѣлый рядъ историковъ, рассказывавшихъ событія византійской имперіи отъ пятаго вѣка до паденія Константинополя, при Магометѣ II. Эти историки имѣли свои особенности, которыя ихъ отличали и которыя переходили какъ бы по наслѣд-

¹⁾ Sathas. Bibliotheca Graeca, tom. III, *πρόλογος*, σελ. 7.

²⁾ „Александрійскій патріархъ, Мелетій Пигасъ“, стр. XVI, Кіевъ, 1872.

³⁾ Мы будемъ очень благодарны, если свѣдущій читатель своевременно укажетъ намъ на пропускъ въ этомъ обзорѣ какихъ либо очень важныхъ источниковъ. Мы съ своимъ дѣломъ чувствуемъ чуждое одиночество.

ству отъ одного такого историка къ другому ¹⁾. По паденіи Византіи имъ уже было нечего рассказывать въ такомъ родѣ, къ какому они привыкли: дѣла круто измѣнились. Поэтому событіе паденія Византіи видѣло послѣднихъ историковъ разсматриваемаго типа. Ихъ извѣстно трое: Дука (имя его неизвѣстно) написалъ *Historia Byzantina* (Византійская исторія), доводя свой трудъ до 1462 года. Онъ не былъ очевидцемъ послѣднихъ важныхъ событій и потому имѣетъ мало значенія (*Vid. Migne, tom. 157*). Не большее значеніе имѣетъ и другой византійскій писатель, имѣющій странное имя: Лаоникъ (испорченное: *νίχο—λαος*) и извѣстенъ съ фамиліей: Халкокондилъ; онъ написалъ сочиненіе: *De rebus Turcicis* (исторія Турокъ), она доводитъ свое дѣло до 1463 года (*Вопнае, 1843*). Онъ то же не былъ очевидцемъ грозныхъ событій времени. Несравненно большее значеніе имѣетъ историкъ Георгій Франдзій (*Φραντζή*). Его сочиненіе заглавывается *Chronicon* (Хроника) и простирается до 1477 года (*Migne, tom. 156*). Его значеніе опредѣляется слѣдующимъ: онъ довелъ свою исторію дальше его современниковъ, онъ былъ другъ послѣдняго византійскаго императора, имѣя важный византійскій титулъ—протовестіарія, онъ своими глазами видѣлъ паденіе города Константинова, и главное—больше другихъ обращаетъ вниманіе на церковныя событія начинающагося турецкаго періода греческой исторіи ²⁾. Остановимся слегка на важнѣйшихъ церковно-историческихъ показаніяхъ Франдзія. Онъ первый рассказываетъ знаменательный фактъ избранія перваго патріарха (Геннадія) при Магометѣ II. Впрочемъ этотъ рассказъ намъ представляется не вѣрнымъ. Авторъ писалъ въ глубокой старости и вѣроятно многое перзабылъ. Онъ говоритъ, что избраніе новаго патріарха произошло, по волѣ султана,

1) Общія характеристическія черты византійскихъ историковъ указаны въ моемъ сочиненіи: „Очерки визант. восточн. церкви отъ XI до полов. XV в.“, 1—2. М. 1892.

2) За подробностями касательно сейчасъ названныхъ историковъ отсылаемъ читателей къ Васильевскому („Обзорн. трудовъ по византійской исторіи“, Петерб. 1890), Погодину („Обзоръ источниковъ по исторіи паденія Византіи: Ж. М. Н. Просвѣщ. 1889, авг.) и Дестунису („Біографія Г. Франдзія“, *ibid.* 1893, июнь. Превосходная статья).

на третій день по паденіи Византіи ¹⁾. Такая поспѣшность невѣроятна: изъ города почти всѣ разбрелись и не кому было поручить такого важнаго дѣла. Авторъ самъ себѣ противорѣчить, когда утверждаетъ, что Магометъ въ одинъ и тотъ же день и издалъ приказъ, чтобы разбѣжавшіеся Греки вернулись въ городъ, обѣщая имъ внѣшнюю безопасность и свободу религіи, — и велѣлъ архіереямъ и клирикамъ выбрать патріарха. Ясное дѣло, что второй фактъ могъ совершиться спустя долго послѣ перваго—а не въ одинъ и тотъ же день. Невѣрно утверждаетъ Франдзій, что будто Геннадій избранъ потому, что прежній патріархъ умеръ, — нѣтъ, этотъ послѣдній былъ уніатъ и бѣжалъ. Всѣ эти ошибки историка можно исправлять на основаніи другихъ позднѣйшихъ извѣстій, чего однако-жъ многіе писатели даже нашего времени не дѣлаютъ. Франдзій говоритъ еще, что Магометъ желалъ, чтобъ провозглашеніе новаго патріарха произошло такъ же, какъ велось дѣло при византійскихъ императорахъ. Затѣмъ ясно указываетъ, что именно сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ самъ Магометъ. Разсказъ этотъ простъ и натураленъ, и очень жаль, что послѣдующіе историки, передавая указанный разсказъ, слишкомъ много вносятъ неподобающей византійской окраски. Кратко, но довольно выразительно этотъ лѣтописецъ говоритъ о большихъ правахъ, данныхъ султаномъ патріарху (Migne, tom. 156, p. 893 — 896). Тонъ хроники меланхолическій: видно, что авторъ никакъ не могъ приспособиться къ новымъ порядкамъ. И Франдзій, какъ и Дука и Халкокондилъ, немного оказываетъ помощи церковному историку.

Дѣйствительная исторіографія греческой церкви турецкаго періода начинается только съ XVI вѣка, когда, кромѣ этого вѣка, занялись изученіемъ и предшествующаго. Толчокъ, какъ увидимъ, данъ впрочемъ со стороны.

II. Источники для изученія греческой церковной исторіи XV-го и XVI-го вѣковъ.

Большая часть источниковъ, сюда относящихся, въ разныхъ отношеніяхъ стоитъ во взаимномъ родствѣ, вслѣдствіе чего эти источники составляютъ въ нѣкоторомъ родѣ одно

¹⁾ Эту невѣрную дату повторяютъ: Пихлеръ, грекъ — Мата, Намгер, Стасюлевичъ, Скабалановичъ и друг.

цѣлое. Первое мѣсто между ними, по всей справедливости должна занимать: *Historia Patriarchica* („Патіаршая исторія“), объ авторѣ которой рѣчь впереди. Появилось въ свѣтъ это сочиненіе, при особенныхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ, хотя кратко, но слѣдуетъ сказать. Въ XV-мъ и въ большую часть XVI вѣка Греки, подчиненные турецкому владычеству, жили въ большомъ отчужденіи отъ остальной просвѣщенной Европы. А самая эта Европа такъ мало интересовалась христіанскимъ Востокомъ, что съ теченіемъ времени забыла и думать о Грекахъ и оказалась сущею невѣждою относительно состоянія греческой церкви и греческаго народа XV-го и XVI вѣковъ. На Западѣ такъ основательно забыли о Грекахъ, что стали думать, будто христіанская вѣра „не существуетъ больше ни въ Азіи, ни въ Элладѣ, ни во Фракіи“; мало того: въ концѣ XVI-го вѣка западные ученые мужи считали нужнымъ обратиться въ Константинополь съ вопросомъ: существуютъ-ли теперь такіе города, какъ Фессалоника, Никея, Халкидонъ и даже Аены? Простираться еще дальше невѣжество, конечно, не могло. Изъ этого постыднаго состоянія просвѣщенный Западъ былъ изведенъ нѣмецкимъ тюбингенскимъ университетомъ. Въ числѣ профессоровъ этого университета во второй половинѣ XVI вѣка былъ Мартинъ Крузій (или Крузе—по нѣмецкому произношенію), знаменитый эллинистъ, любившій греческій языкъ и науку и въ этомъ же направленіи вліявшій на своихъ студентовъ. Узнавъ случайно, что греческій народъ далеко еще не погибъ для христіанства и просвѣщенія, онъ захотѣлъ поточнѣе узнать о современномъ ему состояніи Грековъ. Вскорѣ представился благопріятный случай, который привелъ его къ вождѣнной цѣли. Въ 1573 году австрійскимъ императоромъ отправлено было посольство въ Константинополь; во главѣ посольства стоялъ баронъ Унгнадъ—протестантъ, который пожелалъ имѣть при себѣ капеллана или протестантскаго пастора. Этотъ жребій, по счастливому стеченію обстоятельствъ, палъ на молодого магистра тюбингенскаго университета Стефана Герлаха, при посредствѣ котораго Крузій легко вступалъ въ сношенія съ болѣе просвѣщенными Греками. Крузій былъ весьма любознательный человекъ, а поэтому ему хотѣлось знать рѣшительно все

о Грекахъ: какъ живутъ они теперь, какъ жили съ начала турецкаго владычества; есть ли у нихъ книги, школы; какимъ языкомъ они говорятъ, т. е. насколько онъ сохранилъ связь съ древне-эллинскимъ языкомъ и т. д. Тюбингенскій профессоръ началъ съ того, что написалъ письмо на греческомъ языкѣ тогдашнему патриарху Іереміи II-му (котораго онъ, по видимому, не зналъ по имени) и послалъ его (въ 1573 г.) съ Герлахомъ. Въ этомъ письмѣ онъ рекомендуетъ съ лучшей стороны этого послѣдняго и слегка касается своихъ *ria desideria*. Впрочемъ письмо это, какъ естественно, не принесло желаемыхъ плодовъ. У патриарховъ константинопольскихъ слишкомъ много было своихъ дѣлъ, чтобы найти возможность войти въ сношенія съ невѣдомымъ нѣмецкимъ профессоромъ. Дѣла Крузія пошли не только лучше, но можно сказать—блестяще, лишь послѣ того, какъ ученый тюбингенецъ узналъ отъ Герлаха о существованіи въ Константинополѣ двухъ образованныхъ Грековъ—Іоанна Зигомалà, „ритора великой церкви“ и толкователя Св. Писанія, и его сына Θεодосія Зигомалà, патриаршаго протонотарія. Съ ними Крузіи вскорѣ вступилъ въ переписку (съ января 1575 года), которая въ концѣ концовъ и привела его къ самымъ счастливымъ результатамъ. Отецъ и сынъ (въ особенности послѣдній) Зигомалà сдѣлались ревностными посредниками между Константинополемъ и Тюбингеномъ; они охотно и весьма успѣшно исполняли ученые порученія Крузія. Сношенія ихъ тянулись десятки лѣтъ. Отъ этого, конечно, много выиграла эллинская наука въ Тюбингенѣ. А главное выиграла наша наука—церковная исторія.

Мартинъ Крузіи захотѣлъ ознакомиться съ греческой церковной исторіей того періода, о которомъ на Западѣ ничего не знали—съ греческой церковной исторіей послѣ паденія Константинополя до 70-хъ годовъ XVI вѣка. И любопытство Крузія замѣчательно быстро было удовлетворено. Въ ученомъ кабинетѣ тюбингенскаго профессора на столѣ появилась греческая рукопись, которая потомъ получила и латинское заглавіе: *Patriarchica Constantinopoleos Historia*, и которая заключала описаніе правленія константинопольскихъ патриарховъ отъ Геннадія Схоларія до Іереміи II-го включительно (впрочемъ она описывала только часть прав-

ленія этого патріарха церковію), точнѣе: отъ 1454-го года до 1578. Вотъ первая церковная исторія, при посредствѣ которой, ничего не вѣдавшій о греческой церкви турецкаго періода—Западъ ознакомился съ этимъ, несомнѣнно, интереснымъ предметомъ. Эта „Патріаршая исторія“ вмѣстѣ съ другимъ историческимъ трудомъ, полученнымъ въ Тюбингенѣ Крузіемъ подобнымъ же путемъ (но о которомъ—трудъ—скажемъ ниже отдѣльно) и вмѣстѣ со множествомъ другихъ документовъ, составившихся частію изъ корреспонденціи Крузія съ Греками, частію изъ другихъ греческихъ письменныхъ произведеній — была напечатана Крузіемъ въ Базелѣ въ 1584 году въ обширномъ фоліантѣ подъ довольно вычурнымъ заглавіемъ: *Turco-Graecia* (Турко-Греція) ¹⁾. Книга эта составляетъ истинную сокровищницу знаній по части изученія греческой церкви, греческой паціи и языка въ особенности второй половины XVI вѣка и до сихъ поръ пользуется великимъ научнымъ авторитетомъ. Греческіе памятники изданы здѣсь съ латинскимъ переводомъ и многочисленными примѣчаніями Крузія. Жаль только, что, не смотря на трехсотлѣтнюю давность, Турко-Греція до сихъ поръ не имѣетъ втораго изданія, нужда въ которомъ сильно чувствуется не только вслѣдствіе рѣдкости и дороговизны книги Крузія, но и вслѣдствіе типографскихъ несовершенствъ XVI вѣка, отразившихся въ самомъ текстѣ и способѣ его печатанія. Не наше ли дѣло: переиздать Крузія?

Но что такое „Патріаршая Исторія“? Кто ее написалъ? Какое значеніе имѣетъ она въ наукѣ? Эта исторія занимаетъ 78 столбцовъ *in folio* (107—184 col.) и описываетъ почти исключительно счастливыя или несчастныя (больше этого рода) судьбы патріарховъ константинопольскихъ и ихъ отношенія къ Туркамъ, греческимъ архіереямъ и греческому народу. Объ авторѣ сочиненія до послѣдняго времени не было точныхъ свѣдѣній. Такимъ признавали Мануила Малакса, учителя патріаршей школы въ Константинополѣ, но это мнѣніе находитъ себѣ опроверженіе въ томъ, что самъ Малаксъ не считалъ себя авторомъ, какъ видно изъ слѣдующей приписки, находящейся въ самомъ началѣ разсмат-

¹⁾ Полное заглавіе читается такъ: *Turco-Graeciae libri octo*, a Martino Crusio edita. Basiliae. 1584.

риваемаго сочиненія: „это переложено мною, Мануиломъ Малаксомъ, на простое нарѣчіе (разумѣется съ чисто-греческаго языка) для г. Мартина Крузія“. Конечно, можно бы полагать, что скромность заставила Малакса скрыть свое авторство, но это едвали такъ. Дошедшія до насъ свѣдѣнія о Малаксѣ, встрѣчающіяся въ Турко-Греціи Крузія, лишаютъ насъ возможности предполагать, чтобы такой человѣкъ, какъ Малаксъ, способенъ былъ написать серьезное историческое произведеніе, какимъ признается „Исторія Патріаршая“. М. Крузію говоритъ, что это былъ „учитель патріаршей школы, учившій греческихъ дѣтей и юношей, человѣкъ старый и бѣдный, питавшійся сушеною рыбою, которая была развѣшана по стѣнамъ классной комнаты и которую онъ самъ и варилъ; онъ пріобрѣталъ средства къ жизни перепискою книгъ и любилъ тратить деньги больше всего на вино“¹⁾. Очевидно, очень сомнительно, чтобы Малаксъ былъ историкомъ.... Но спрашивается: на какомъ же основаніи почти простаго переписчика „исторіи патріаршей“, какимъ именуется себя Малаксъ, могли однакоже считать авторомъ ея? Основанія для этого были и заключались частію въ томъ, что оставалось совершенно неизвѣстнымъ, съ чего именно онъ списывалъ свой трудъ, и что служило оригиналомъ его переложенія; а частію—и главное—въ томъ, что въ одномъ письмѣ Θεодосія Зигомалѣ къ Крузію встрѣчаемъ слѣдующія рѣчи. Θεодосій пишетъ: „я описалъ бы тебѣ и времена патріарховъ (константинопольскихъ), въ какія каждый изъ нихъ занималъ престолъ,—какъ ты желалъ того,—если бы я не зналъ, что ты съ этимъ можешь познакомиться изъ книги Малакса, написанной на народномъ нарѣчій, и которая есть у Герлаха“. Не ясное ли дѣло, что Θεодосій, современникъ появленія на свѣтъ первой патріаршей хроники, прямо называетъ Малакса авторомъ ея? Удивительно! Въ особенности послѣ вышеприведеннаго собственнаго заявленія Малакса. Удивленіе наше возрастаетъ еще болѣе, когда нѣсколько далѣе Θεодосій въ своемъ письмѣ пишетъ: „о Малаксѣ нужно сказать, что въ томъ, что онъ написалъ, собравъ изъ многихъ книгъ, не вездѣ находимъ истину. Въ однихъ слу-

¹⁾ Turco-Graecia, p. 185 (annotatio Crusii).

чаяхъ онъ пишетъ, руководясь благорасположеніемъ, а въ другихъ непріязнью. Примѣромъ можетъ служить его повѣствованіе о патріархѣ Іоасафѣ (II-мъ), мужѣ превосходномъ, любителѣ эллинизма, несправедливо по зависти лишенномъ каеэдры“¹⁾. Опять ясное указаніе, что Малаксъ самъ написалъ „Патріаршую исторію“ и притомъ не безпристрастно, наприм. изобразилъ Іоасафа въ чертахъ непривлекательныхъ, вопреки справедливости, по сужденію Θεодосія Зигомалѣ? Какъ тутъ быть? Самъ Малаксъ отрекается отъ написанія имъ Патріаршей исторіи, а Зигомалѣ, современникъ, ясно приписываетъ ему этотъ трудъ! Не смотря на такое прямое и повидимому авторитетное показаніе Θεодосія Зигомалѣ, — мы должны отрицать происхожденіе хроники отъ Малакса, какъ ея автора. Правъ самъ Малаксъ и не правъ патріаршій протонатарій — Зигомалѣ. Впрочемъ оставимъ неправильныя показанія этого послѣдняго на его совѣсти, не вдаваясь въ дальнѣйшія разъясненія по этому вопросу. Въ недавнее время открылось одно очень внушительной важности обстоятельство, которое окончательно разъяснило темный вопросъ объ авторѣ „Патріаршей исторіи“, обстоятельство, которое, однакожъ, сколько знаемъ, совѣмъ осталось неизвѣстнымъ въ русской ученой литературѣ, по крайней мѣрѣ мы не встрѣчали никакихъ указаній на него здѣсь, и потому оно должно явиться новинкой для русской исторической науки.

Открыта *рукопись*, съ которой списывалъ и переводилъ Мануилъ Малаксъ. Этимъ открытіемъ наука обязана аѳинскому ученому Константину Сатѣ. Рукопись найдена Сатоу въ святогробской бібліотекѣ въ Константинополѣ (она помѣчена 569 №) и заключаетъ въ себѣ ту самую патріаршую исторію, которую прежде съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ приписывали по ея происхожденію Малаксу. Авторомъ разсматриваемой „Исторіи“ былъ митрополитъ навпактскій и артскій, по имени Дамаскинъ Студитъ. Его трудъ заглавывается: „о патріархахъ константинопольскихъ (περὶ τῶν ἁγίων ἐπαρχῶν τῆς Κωνσταντινουπόλεως) отъ временъ Константина Великаго до нашего времени“. Трудъ

¹⁾ Epistola Theod. Zygomalae: Turco-Graecia p. 95 96. Письмо это писано въ апрѣлѣ 1581 года, по смерти Малакса (см. предъидущее примѣч.).

оконченъ написаніемъ въ 1572 году. Для доказательства мысли, что Малаксъ списалъ съ готовой Патріаршей исторіи безвѣстнаго Дамаскина Студита, Сата приводитъ двѣ большихъ выдержки—одну изъ рукописи Дамаскина, а другую изъ книги Малакса; тожество оказывается очень точнымъ. Мы однакожь не совѣмъ понимаемъ, почему Сата ограничился приведеніемъ лишь одного мѣста (въ которомъ идетъ рѣчь объ обстоятельствахъ перенесенія патріаршей резиденціи при патріархѣ Геннадіи отъ храма Св. Апостоловъ въ монастырь „Всеблаженнѣйшей“). Такъ какъ автографъ Дамаскина (а это дѣйствительно автографъ) не изданъ и не извѣстно, когда будетъ изданъ, то было бы болѣе цѣлесообразно, если бы, ради большей убѣдительности въ тожествѣ Малакса и Дамаскина, Сата привелъ нѣсколько параллельныхъ мѣстъ изъ разныхъ отдѣловъ обоихъ произведеній. Теперь же, если и не остается мѣста для сомнѣній (нѣтъ основаній не довѣрять Сатѣ на слово), то во всякомъ случаѣ читатели Саты лишены возможности составить хотя какое вибудь понятіе о манерѣ работы Малакса надъ готовой рукописью, напр., о томъ, въ чемъ и какъ видоизмѣнялъ онъ слогъ и изложеніе Дамаскина, всегда ли ясно онъ передавалъ мысли подлинника и проч.. Самъ аонскій ученый очень мало говоритъ объ отличіяхъ труда Малакса отъ оригинала, т. е. сочиненія Дамаскина. Сата указываетъ, что конецъ „Патріаршей исторіи“ взятъ не изъ Дамаскина, а написанъ кѣмъ вибудь еще, можетъ быть Малаксомъ. Конецъ! однакожь на чемъ же собственно прерывается рассказъ Дамаскина въ списанной Малаксомъ книгѣ? На этотъ, какъ намъ кажется, любопытный вопросъ, аонскій ученый отвѣчаетъ очень странно: „на 199 страницѣ Малакса въ боннскомъ его изданіи“, говоритъ онъ. Sic! На 199 страницѣ боннскаго изданія! ¹⁾ Западный ученый, производящій сличеніе книги съ важною рукописью, не ограничился бы такимъ неопредѣленно-скупымъ заявленіемъ, а разъяснилъ бы на какомъ именно мѣстѣ указанной страницы прерывается повѣствованіе Дамаскина. Дѣло

¹⁾ Historia patriarchica Constantinopoleos напечатана въ: Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Том. XVII, Воннае, 1849 г. Жаль, что въ этомъ изданіи почему то опущены Крузіевы примѣчанія къ „Исторіи Патріаршей“.

въ томъ, что на указанной Сатою страницѣ идетъ непрерывная рѣчь о церковномъ правленіи Іереміи II-го и, не будучи прозорливцемъ, ни одинъ ученый не можетъ съ увѣренностію рѣшить вопроса: съ какихъ словъ начинается разсказъ не-Дамаскина. Изъ разбираемаго показанія Саты съ несомнѣнною ясностію вытекаетъ одно — именно что не принадлежать Дамаскину только какія нибудь пять страницъ въ концѣ „Патріаршей исторіи“ боннскаго изданія. Дальнѣйшія указанія Саты отличій Малакса отъ Дамаскина исчерпываются слѣдующимъ: у Малакса есть разсказъ объ Арсеніи, ученомъ митрополитѣ монемвасійскомъ, какого не встрѣчается у Дамаскина, а также нѣтъ у этого послѣдняго и повѣсти о томъ, какъ Іеремія I спасъ греческія церкви отъ разрушенія ихъ турецкимъ правительствомъ (повѣсти, нужно сказать, очень маловѣроятной); наконецъ, по словамъ Саты, Малаксъ подробнѣе рассказываетъ о послѣднихъ патріаршествахъ его времени — Діонисія, Іоасафа и Іереміи ¹⁾). Итакъ въ настоящее время можно смѣло выставлять на „Патріаршей исторіи“, изданной Крузіемъ, подлинное имя ея автора: Дамаскина Студита. Но не странно ли: почему Малаксъ въ свое время въ извѣстной цитированной нами его припискѣ, не написалъ имени автора той рукописи, съ которой онъ списывалъ Патріаршую исторію для Крузія? А съ другой стороны: не странно ли и то, что Крузіи не поинтересовался тѣмъ, чтобы узнать (а это онъ, конечно, могъ бы сдѣлать): съ какого автора списывалъ свой трудъ Мануиль Малаксъ? Впрочемъ, каждый вѣкъ имѣетъ свои нравы и обычаи — и не станемъ строго судить людей, жившихъ назадъ тому 300 лѣтъ. Будемъ благодарны Малаксу и въ особенности Крузію и за то, что ими сдѣлано для науки.

„Патріаршая Исторія“ имѣетъ большое значеніе въ наукѣ. Она носитъ на себѣ черты безпристрастія, если, увы, обиліе рѣзкихъ отзывовъ и изображеніе темныхъ сторонъ въ жизни патріарховъ, считать признакомъ безпристрастія. Въ дѣйствительности, мы не можемъ опредѣлить степени безпристрастія этой исторіи, потому что намъ не чѣмъ провѣрять ея показанія. Замѣтимъ одно: извѣстія о кон-

¹⁾ Sathac. Bibliotheca Graeca. Vol. III. Prol. p. XI—XIII. Venet., 1872.

стантинопольскихъ патріархахъ XV и XVI вѣковъ, какія только циркулируютъ въ теперешней исторической наукѣ, въ подавляющемъ большинствѣ, заимствуются лишь отсюда. Какъ мы имѣли случай указать выше, одинъ изъ современниковъ автора, —говоримъ о Феодосіи Зигомалѣ,—выразилъ сомнѣніе въ безпристрастїи „Патріаршей Исторїи“ и въ примѣрѣ указывалъ на описаніе авторомъ правленія патріарха Іосафа II; но наука едвали вправѣ внимать этому, можетъ быть, единственному скептическому голосу, раздающемуся противъ „Патріаршей Исторїи“. И на это есть достаточное основаніе: рассказъ объ Іосафѣ II ведется въ книгѣ не просто отъ лица автора „Исторїи“, а представляетъ собой полное или сокращенное изложеніе соборнаго дѣянія противъ патріарха, дѣянія, подписаннаго болѣе чѣмъ 50-ью митрополитами и епископами (имена которыхъ полностью прописаны у автора исторїи). Можетъ ли историкъ съ легкимъ сердцемъ отметать такой документъ, основываясь на скептической замѣткѣ Зигомалѣ, хотя бы онъ и былъ протонатаріемъ?

Любознательный Крузій не ограничился тѣмъ, что пожелалъ отъ его константинопольскихъ корреспондентовъ удовлетворенія своему ученому любопытству по части церковной исторїи, вслѣдствіе чего ему и была послана изъ Константинополя *Historia Patriarchica*; онъ хотѣлъ имѣть обстоятельныя свѣдѣнія и по части гражданской исторїи того періода, который обнимала сейчасъ названная „*Historia Patriarchica*“. А потому обращался съ просьбою въ Константинополь къ своимъ греческимъ друзьямъ о томъ, чтобы они удовлетворили и этому его желанію. Друзья вняли его просьбѣ и послали ему рукопись, которая издана была потомъ подъ такимъ латинскимъ заглавіемъ: *Historia Politica Constantinopoleos* (отъ 1391 до 1578 года). По объему она вдвое меньше „Исторїи Патріаршей“, и повѣствуетъ преимущественно о турецкомъ господствѣ надъ Греками. Эта „Политическая Исторїя“ отпечатана Крузіемъ въ той же его „Турко-Греція“¹⁾. Конечно, эта исторїя имѣетъ

¹⁾ *Turco-graecia*, p. 1—43, съ примѣчаніями Крузїа, помѣщенными въ концѣ „Исторїи“. *Historia Politica* перепечатана въ боннскомъ изданїи (томъ XVII), но безъ вышеуказанныхъ примѣчаній.

для насъ гораздо меньше значенія, чѣмъ „Исторія Патриаршая“, но все же она не лишена значенія и для церковнаго историка, какъ увидимъ ниже. Кто авторъ „Исторіи Политической“? На этотъ вопросъ до послѣдняго времени нельзя было находить удовлетворительнаго отвѣта. Въ концѣ рукописи, въ которой была начертана эта исторія и которая была послана Крузію, находилась слѣдующая приписка рукою Θεодосія Зигомалà: „Благодареніе Богу. Какъ я нашелъ, такъ и переписалъ для Мартина Крузія, исправивъ по силѣ-возможности“. Отсюда видно, что рукопись была съ чего то списана, какъ удостовѣряетъ Зигомалà, и слегка при этомъ поправлена. Но возникаетъ вопросъ: что было оригиналомъ, съ котораго съ исправленіями списывалъ Зигомалà? Рѣшить вопросъ опять помогаетъ намъ Константинъ Сата. Онъ говоритъ: „Политическую исторію“, посланную Крузію, Зигомалà списалъ съ автографа Дамаскина Студита, не поименовавъ автора. Греческій корреспондентъ Крузія, по словамъ Саты, только переложилъ на болѣе чистый греческій языкъ повѣствованіе Дамаскина, написанное на простонародномъ греческомъ нарѣччіи“¹⁾). Больше Сата не даетъ никакихъ подробностей. Очевидно и этотъ новый автографъ Дамаскина найденъ тамъ же, гдѣ и „Патриаршая Исторія“ Дамаскина,—въ Святогробской бібліотекѣ въ Константинополѣ. Непонятно, почему такъ мало Сата даетъ свѣдѣній по интересному вопросу объ отношеніи печатной „Политической Исторіи“ къ рукописной. Несомнѣнно одно: митрополита Дамаскина, своего современника, греческіе ученые XVI вѣка обворовывали, замечая слѣды своего плагиата. Что касается вопроса о научномъ значеніи „Политической Исторіи“ для церковнаго историка, то оно не велико. Эта исторія даетъ свѣдѣнія обо всѣхъ патриархахъ константинопольскихъ турецкаго періода, но эти свѣдѣнія суть сокращенія того, что говорится о нихъ въ „Патриаршей исторіи“: сейчасъ видно, что источникъ свѣдѣній у автора „Политической Исторіи“—общій съ авторомъ „Патриаршей Исторіи“. съ тѣмъ различіемъ, что эта послѣдняя говоритъ о патриархахъ подробнѣе, а первая

1) Sathae. Bibliotheca Graeca, tom.III., *Πρόλ., σελ.*, XIII—XIV.

значительно короче ¹⁾. Есть однакожь одинъ вопросъ, въ разрѣшеніи котораго *Historia Politica* должна имѣть руководственное значеніе. Разумѣемъ вопросъ о времени и обстоятельствахъ поставленія Геннадія — перваго патріарха по паденіи Византіи. Какъ мы знаемъ, Франдзій очень мало удовлетворителенъ по этому вопросу: онъ больше зналъ, какъ дѣло въ такихъ случаяхъ происходило во времена византійскія, и недостаточно помнилъ о томъ, какъ дѣло произошло при Магометѣ II, какъ совершилось избраніе Геннадія. Дамаскинъ-же, т. е. авторъ „*Политической Истории*“, указываетъ, что протекло значительное время между фактомъ паденія Византіи и избранія Геннадія ²⁾—и онъ вполне правъ: такъ какъ ни съ чѣмъ не сообразно думать, что будто Магометъ на третій день по завоеваніи Византіи распорядился избраніемъ новаго патріарха въ столицѣ, какъ заставляетъ думать Франдзій. Современная наука оцѣнила показанія Дамаскина и перестала вѣрить Франдзію—въ чемъ она вполне права ³⁾. Любопытны также взгляды Дамаскина, выраженные въ разбираемой исторіи на отношенія Магомета II къ Грекамъ ⁴⁾; любопытны они уже и тѣмъ, что къ нимъ возвращается современная наука, преставъ безъ нужды много говорить о деспотизмѣ и тиранніи турецкаго правительства вообще и Магомета II въ особенности.

Сношенія Мартина Крузія съ Константинополемъ, о которыхъ намъ пришлось уже не мало говорить, не ограничились научной сферой; вмѣстѣ съ другими тюбингенскими богословами, канцлеромъ университета Іаковомъ Андреэ, Лукою Озіандеромъ и позднѣе Герлахомъ, Крузіій вошелъ въ переписку съ тогдашнимъ константинопольскимъ патрі-

¹⁾ Мы слѣдили по боннскому изданію извѣстія о патріархахъ преемствовавшихъ Геннадію, извѣстія *Политической исторіи* и *Патріаршей исторіи* и нашли, что они таковы, какими мы ихъ признали выше (о патр. Исидорѣ: р. 31 et 95; о Іоасафѣ I-мъ р. 39 et. 96—98; о Маркѣ 39 et 101, о Симеонѣ и Діонисіи р. 39—41 et 102—107; о Діонисіи (филиппопольскомъ) въ отдѣльности р. 41—42 et 107—111; о Рафаилѣ р. 43—44 et 113—114 и т. д.).

²⁾ *Historia polit.* p. 26—28. Edit. Bonn.

³⁾ *Sathae. Bibliotheca Graeca*, tom. III. *Прѣлогосъ*, стол. XXV—XXVI.

⁴⁾ *Historia politica*, *ibid.* p. 24. 26, Conf. p. 94: „много возлюбилъ (Магометъ II) родъ христіанскій (Грековъ) и взиралъ на него благосклонно“.

архомъ Иереміею вторымъ (и Митрофаномъ), съ цѣлю познакомиться греческую церковь съ протестанскимъ ученіемъ, и узнать: какъ смотритъ Греческая церковь на это ученіе. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности по вопросу: какіе собственно мотивы руководили тюбингенцами въ ихъ церковныхъ сношеніяхъ съ Константинополемъ. Важно то, что эти сношенія повели къ появленію въ свѣтъ очень интереснаго собранія историческихъ документовъ извѣстнаго подъ названіемъ: „*Акты Виртембергскіе*“. Что такое „Акты Виртембергскіе“? Лишь только начались сношенія Крузія и другихъ тюбингенцевъ съ константинопольскою церковію съ вышеуказанною цѣлю, какъ возникло безпокойство въ римско-католическихъ кружкахъ, основанное на этихъ отношеніяхъ. Въ этихъ кружкахъ возникли опасенія, какъ бы сношенія протестантовъ съ Греками не послужили къ болѣе тѣсному сближенію протестантизма съ греческою церковію, вслѣдствіе чего протестантство, естественно, стало бы сильнѣе и вліятельнѣе, а пропорціо-нально этому римско-католицизмъ слабѣе и отчужденнѣе. Чтобы повредить указаннымъ сношеніямъ протестантовъ съ Греками, нѣкоторые римско-католическіе писатели рѣшились истожковать эти сношенія въ самомъ нежелательномъ для протестантовъ смыслѣ, и тѣмъ повредить усиленію и развитію протестантизма. Такъ съ указанною цѣлю, придворный проповѣдникъ польскаго короля Станиславъ Соколовіусъ, краковскій каноникъ, издалъ сочиненіе, въ которомъ старался доказать, что протестанты, чувствуя себя неловко, какъ отщепенцы отъ Церкви, вздумали, по отпаданіи отъ римской церкви, искать сближенія съ греческою церковію, намѣреваясь соединиться съ нею, при этомъ Соколовіусъ, желая досадить протестантамъ, утверждалъ, что однакожь Греческая церковь отвергла ихъ искательства. Вслѣдъ за этимъ другой папистическій писатель Вильгельмъ Линданъ, епископъ гентскій, принимая во вниманіе тѣже сношенія тюбингенцевъ съ Греками, сильно нападалъ на протестантовъ, представляя разсматриваемое дѣло, какъ самое постыдное для нихъ. Такія попытки папистовъ представить въ невыгодномъ для протестантовъ свѣтѣ сношенія ихъ съ Константинополемъ, побудили тюбингенцевъ опубликовать путемъ печати документы, относящіеся къ исторіи

сношеній Тюбингена съ Константинополемъ ¹⁾. Такъ появились въ свѣтъ драгоцѣнные въ научномъ отношеніи: „Акты Виртембергскіе“ ²⁾. Содержаніе этихъ актовъ составляетъ: краткія письма тюбингенцевъ къ Іереміи II и краткія письма Іереміи къ тюбингенцамъ; Аугсбургское исповѣданіе, переведенное на греческій языкъ и посланное въ Константинополь Іереміи и другимъ лицамъ, подробный отвѣтъ Іереміи на это исповѣданіе (писанный безъ сомнѣнія не самимъ Іереміею, а вѣроятно Іоанномъ или Θεодосіемъ Зигомалѣ); подробныя сочиненія тюбингенцевъ, въ которыхъ заключается защита ученія, изложеннаго въ „Исповѣданіи“, обстоятельный разборъ этой защиты со стороны Іереміи (или точнѣе его ученыхъ помощниковъ въ этомъ дѣлѣ). Все это составляетъ значительный по объему сборникъ и служить богатымъ матеріаломъ для изученія интереснѣйшаго и единственнаго въ своемъ родѣ явленія—сношеній Греческой церкви XVI вѣка съ представителями протестантской мысли и воззрѣній. Мы должны однакожь сказать, что рассматриваемые акты одни сами по себѣ еще недостаточно раскрываютъ всю исторію указанныхъ сношеній. Для полноты и ясности представленія дѣла, при изученіи „Актовъ“, нужно обращать серьезное вниманіе на тотъ отдѣлъ „Турко-Греціи“ (liber VII) ³⁾, гдѣ помѣщены многіе документы, касающіеся тѣхъ же сношеній, но не вошедшіе въ рассматриваемые акты. Говоря фигурально, извѣстія и документы, находящіеся въ указанномъ отдѣлѣ „Турко-Греціи“, есть какъ бы канва, истинною картиною для которой служатъ „Акты“. Турко-Греція даетъ возможность изучать жизненныя условія, при какихъ происходило дѣло, а „Акты“—самое дѣло и его результаты. Но если для догматиста несомнѣнно очень важны „Акты“, то для историка можетъ быть еще важнѣе тѣ извѣстія и документы, которые помѣщены въ Турко-Греціи и относятся къ этому же явленію.

¹⁾ Acta Wirtemb. (подробное заглавіе ниже). Praefatio.—Hefele. Beiträge zur Kirchengeschichte. B. I. S. 461 2. Tübingen, 1864. Heineccii. Abbildung der Griechischen Kirche. Theil. I, S. 191—192. Leipz. 1711.

²⁾ Acta et scripta theologorum Wirtembergensium et patriarchae Constantinopolitani D. Hieremiae. In fol. Witebergiae. 1584.

³⁾ Turco-Graecia, p. 410—483.

Во всякомъ случаѣ наука должна быть благодарна тюбингенцамъ, издавшимъ сборникъ, извѣстный съ именемъ „Актовъ Виртембергскихъ“. Французскій ученый Легранъ въ своей „Эллинской библиографіи“ называетъ существующее изданіе Актовъ „драгоценнымъ сборникомъ“ и считаетъ его „весьма рѣдкимъ“. Самъ онъ отмѣчаетъ, что имѣлъ удовольствіе видѣть эти Акты въ библиотекѣ князя Маврокордато и описываетъ ихъ въ указанномъ сочиненіи такъ тщательно, какъ описываются только рукописи, указывая дефекты въ пагинаціи и т. д. ¹⁾). Таковую-то достопримѣчательность составляютъ Акты единственнаго изданія 1584 г. ²⁾).

Исторія Дороеея монемвасійскаго.—Болѣе точное заглавіе сочиненія такое: „Историческое сочиненіе (*Βιβλίον ἱστορικόν*), содержащее различныя исторіи, начиная отъ сотворенія міра до паденія Константинополя и далѣе. Составлено на основаніи различныхъ точныхъ исторій и переложено на новогреческое нарѣчіе“. Для насъ, конечно, эта книга любопытна постольку, поскольку она содержитъ описаніе историческихъ явленій послѣ паденія Константинополя. Судьба этой книги весьма странная, какъ впрочемъ и многихъ книгъ, касающихся Греціи. Разсматриваемая „Исторія“ была очень распространена въ Греціи и оставалась „въ продолженіи 200 лѣтъ единственною историческою книгою въ рукахъ греческаго народа“. Перепечатывалась она нѣсколько разъ, начиная съ 1630 или 1631 года. Автору ея посвящались біографическіе очерки: о немъ сообщалось, откуда онъ былъ родомъ, въ какихъ городахъ послѣдовательно онъ былъ митрополитомъ и какую судьбу имѣло его вышеназванное сочиненіе ³⁾). И вдругъ послѣ всего этого оказывается, что никакого историка Дороеея, митрополита монемвасійскаго,

¹⁾ Legrand. *Bibliographie Hellénique (XV et XVI siècle)*. Tome II, p. 41—44. Paris, 1885.

²⁾ А если кто увидитъ этотъ драгоценный волюмъ, поступившій въ нашу (академическую) библиотечку изъ библиотеки архіепископа московскаго Августина и испещренный множествомъ замѣтокъ карандашомъ рукою какого то младенствующаго ученаго текущаго вѣка, тотъ подумаетъ, что книга эта относится къ дубочной литературѣ и цѣна ей грошъ.

³⁾ Σάφα. *Νεοελληνική φιλολογία*, σελ. 222—223. Афины. 1868 г. Потомъ Сата, какъ увидитъ сейчасъ, сталъ разсуждать объ авторѣ книги иначе.

никогда и на свѣтѣ не существовало. Дороеей есть типографскій миеъ! Не вѣроятно, чтобы такъ было, однакожь на самомъ дѣлѣ такъ. Уясненіемъ дѣйствительнаго имени автора Дороеевой Исторіи наука обязана трудолюбивому Константину Сатѣ, который послѣ нѣкотораго колебанія сталъ въ этомъ вопросѣ на настоящую точку зрѣнія. Въ такомъ необычайномъ приключеніи, какъ исчезновеніе изъ памяти потомства дѣйствительнаго имени автора и замѣна этого имени совсѣмъ другимъ именемъ, аеинскій ученый усматриваетъ нѣчто провиденціальное: оказывается, что авторъ разсматриваемой „исторіи“ списалъ свою исторію все у того же Дамаскина Студита, о которомъ не разъ упоминалось раньше—и за это, по сужденію Саты, и наказанъ жестоко: имя писателя исчезло изъ исторической памяти, замѣнилось именемъ Дороеея монемвасійскаго, историка, не существовавшего на свѣтѣ. Правда, какъ мы знаемъ, и раньше у Дамаскина списывали — Зигомалѣ и Малаксѣ, но они не имѣли дерзости приписывать себѣ списаннаго, какъ дѣйствительнымъ авторамъ; не такъ поступилъ третій плагиаторъ труда Дамаскина, онъ дерзнулъ поставить на книгѣ свое (будто бы авторское) имя, но имя его исчезло изъ книги при первомъ же ея печатномъ изданіи. И на этотъ плагиатъ дерзнулъ кто же? соученикъ Дамаскина и близкій къ нему человѣкъ! Итакъ: мы узнали, что настоящимъ авторомъ разсматриваемой Исторіи былъ Дамаскинъ Студитъ, митрополитъ навпактскій и артскій. Но спрашивается кто же безцеремонно списалъ его трудъ, имѣя намѣреніе приобрести имя историка? И какъ случилось, что дѣйствительное имя плагиатора не сохранилось въ печатной книгѣ, а въ самомъ же началѣ XVII вѣка замѣнилось здѣсь именемъ какого то невѣдомаго Дороеея? Авторомъ—плагиаторомъ разсматриваемой исторіи былъ Героеей, митрополитъ монемвасійскій, человѣкъ близкій къ патриарху Іереміи II и сопровождавшій этого послѣдняго въ его путешествіи въ Россію въ 1588—1591 году. Сата нисколько не сомнѣвается теперь, что писателемъ—плагиаторомъ указанной исторіи былъ именно Героеей, а не Дороеей; основаніями для такого заключенія Саты служить слѣдующее: 1) нигдѣ въ этой исторіи совсѣмъ не упоминается имени митрополита Дороеея, между тѣмъ весьма

часто здѣсь сообщаются свѣдѣнія о Героеѣ монемвасійскомъ, и притомъ такія свѣдѣнія, которыя могли быть извѣстны только этому лицу. 2) Въ числѣ преемниковъ митрополита Героея монемвасійскаго нѣтъ никого, кто носилъ бы имя Дороея, какъ удостовѣряютъ тщательно изученные Сатою кодексы константинопольской патріархіи. Поправка имени автора-плагиатора разбираемой исторіи въ настоящее время принята и лучшими греческими историками ¹⁾. Впрочемъ, если Героеей и былъ плагиаторомъ, списывавшимъ у своего соученика—Дамаскина, однакожь, какъ это доказалъ Сата, нѣчто и свое присоединено Героеемъ къ тому, что онъ занялъ со стороны. Такъ онъ независимо отъ своего руководителя описываетъ событія церковныя, начиная отъ времени патріаршества Пахомія 1-го(?) (нач. XVI в.) и до времени возвращенія Иереміи изъ Россіи. Компіляція Героея много разъ была издана въ разное время, при чемъ при новомъ изданіи къ разсказу автора дѣлались краткія прибавки, въ которыхъ излагались неважныя свѣдѣнія о позднѣйшихъ событіяхъ турецкой имперіи и греческаго народа. Слѣдовательно, въ теперешнемъ видѣ исторія Героея есть отчасти трудъ коллективный, въ который вошли и очерки нѣсколькихъ писателей, продолжателей названнаго лица ²⁾.—Что касается вопроса о томъ, какимъ образомъ случилось, что трудъ Героея сталъ извѣстенъ съ именемъ Дороея, то Сата объясняетъ это типографской опечаткой, допущенной при первомъ изданіи книги въ Венеціи. Объясненіе, по видимому, простое, но въ то же время и нѣсколько мудреное. Въ самомъ дѣлѣ, почему при второмъ и слѣдующихъ изданіяхъ не было сдѣлано необходимой поправки? Впрочемъ, какъ говорится, книги имѣютъ свою

1) Такъ поступаетъ, наприм., *Γεωργ. Πατριαρχειοῦ πλάκες, σελ. 71*. Константинополь, 1890.

2) *Sathae. Bibliotheca Graeca, Tom. III. Πρόλ., σελ. XV—XVII*. Не лишне замѣтить слѣдующее о первоначальномъ составѣ исторіи Героея: въ ней, кромѣ Еврейской исторіи, неизвѣстно откуда заимствованной, заключались каталоги императоровъ римскихъ и византійскихъ царей и патріарховъ, а также изложеніе свѣдѣній о византійскомъ и потомъ турецкомъ правительствѣ и патріархахъ константинопольскихъ—все это (съ нѣкоторыми добавками еще откуда-то)—заимствовано собственно изъ хронографіи Дамаскина (*ibid.*).

судьбу, а въ Греціи къ тому же, по видимому, судьбу не-
постижимую ¹⁾).

Но пожалуй намъ замѣтить: какое значеніе можетъ имѣть поправка въ имени писателя разсматриваемой исторіи? Не есть ли педантизмъ—останавливать свое вниманіе на такомъ вопросѣ?—Не все ли равно *для насъ*: кто писатель книги—Дороеей или Героеей? Нѣтъ, не все равно. Если кто прочтетъ въ извѣстномъ трудѣ проф. И. И. Малышевскаго: „Мелетій Пигасъ“ страницы, наприм. 249 и 250, тотъ пойметъ, что разрѣшеніе вопроса объ имени автора указанной хроники дѣло весьма полезное. Здѣсь читаемъ: „*Героеей* монемвасійскій смѣло и громко протестовалъ, называя беззаконіемъ уже то, что безъ воли Божіей(?) Пахомій (II, патріархъ) засѣлъ въ патріархіи“. Черезъ нѣсколько строкъ: „сторонники Пахомія, архіереи и клирики, которыхъ *Дороеей* монемвасійскій презрительно называетъ безглавыми“.... А на слѣдующей страницѣ: „*Героеей* монемвасійскій продолжалъ возбуждать противъ Пахомія священниковъ, архонтовъ“....²⁾ Понятное дѣло, что теперь, когда уяснено, что имя Дороеея напрасно стоитъ въ заголовкѣ книги, уже никто не станетъ писать, какъ написано въ приведенной цитатѣ, гдѣ имя Дороеея смѣняется именемъ Героеея—къ немалому недоумѣнію читателя—и смѣняется потому, что въ хроникѣ то выводится говорящимъ Героеей, то говоритъ авторъ отъ себя, не называя себя по имени, а такъ какъ въ заглавіи хроники стоитъ имя Дороеея, то естественно у историковъ, писавшихъ на основаніи разбираемой хроники—появлялось въ разсказѣ *новое* дѣйствующее лице—Дороеей (какъ оказывается, вовсе не

¹⁾ Мы обладаемъ разсматриваемымъ трудомъ Героеея, конечно подъ именемъ: *Δωροθέου*, въ венеціанскомъ изданіи, 1798 года. Намъ извѣстна также часть этой исторіи, напечатанная, въ видѣ приложенія, къ сочиненію Саты подъ заглавіемъ: *Βιογραφικὸν σκεδάσμα περὶ τοῦ Γερεμίου Π. Αἰνῆς*. 1870. По справедливому отзыву Саты же, это самая любопытная часть Героееевой исторіи, въ которой онъ повѣствуетъ о происшествіяхъ не только въ качествѣ очевидца, но и главнаго участника въ нихъ“ (Sathae. Bibl. Graeca, III. *Πρόλ.*, σελ. XVI).

²⁾ Приведенное мѣсто изъ сочиненія проф. И. И. Малышевскаго въ греческомъ текстѣ можно находить: *Δωροθέου. Βιβλίων ιστο. ιζόν*, σελ. 450—451; а также въ приложеніи къ сейчасъ названной книгѣ Саты: *Βιογραφικ. σκεδάσμα*, σελ. 12.

существовавшее въ то время, къ какому его относили и продолжаютъ относить и въ наше время). Теперь же, послѣ того, какъ открыто имя автора хроники подобнымъ недоумѣніямъ (чтобъ не сказать больше) мѣста уже не остается. Мало того: теперь должны кануть въ Лету и тѣ похвалы, которыя иногда расточались „безпристрастному и откровенному“ писателю Дороею. Пусть эти похвалы, если онѣ и не совсѣмъ справедливы, достаются дѣйствительному лицу, а не существу изъ области міеологіи.

Дневникъ Стефана Герлаха.—Герлахъ—имя для насъ извѣстное. Въ качествѣ капеллана австрійскаго посланника Унгнада въ Константинополь, Герлахъ оставался здѣсь отъ августа 1573 г. до іюня 1578 года, т. е. пять лѣтъ. Время это прошло для него не даромъ. Обладая любознательностію и наблюдательностію, онъ сталъ всматриваться въ окружающій греко-христіанскій міръ. Въ связи съ этимъ онъ началъ вести подробный дневникъ, въ которомъ съ нѣмецкою пунктуальностію записывалъ даже мелочи относительно лицъ, съ которыми онъ встрѣчался и событій, о которыхъ получалъ свѣдѣнія. Дневникъ Герлаха постепенно разросся въ цѣлую большую книгу, которая и была напечатана въ 1674 году, въ видѣ фоліанта, подъ заглавіемъ: *Stephan Gerlachs dess Aeltern Tagebuch*. Книга эта составляетъ собою богатое собраніе любопытныхъ и очень точныхъ извѣстій, имѣющихъ большое значеніе для историка греческой церкви. Герлахъ раскрываетъ для насъ внутренній складъ тогдашней греко-христіанской жизни. У него найдете свѣдѣнія о патріархѣ и патріаршемъ дворѣ, о житьѣ-бытьѣ патріарха, о лицахъ его окружающихъ, о школахъ, о замѣчательнѣйшихъ представителяхъ тогдашней греческой учености, напримѣръ о Іоаннѣ Зигомалѣ и всей его семьѣ (съ ея нравами и обычаями — и въ особенности его сынѣ Θεодосіи). Замѣтки его объ этой семьѣ такъ рельефны, что можно съ его словъ писать портреты ея членовъ. Найдете много свѣдѣній о состояніи греческаго просвѣщенія вообще, о состояніи проповѣдничества, даже полную характеристику этого проповѣдничества. Изучите по Герлаху матеріальное положеніе лицъ, принадлежащихъ къ духовнымъ сферамъ, узнаете о разныхъ религіозныхъ обрядахъ, какъ именно они справлялись наро-

домъ,—наприм. о свадьбахъ, узнаете о многихъ суевѣрїяхъ Грековъ и разныхъ ихъ недостаткахъ. Книга Герлаха—однимъ словомъ—вещь драгоценная. Конечно, какъ нѣмецъ и притомъ протестантъ, Герлахъ на многое смотрѣлъ съ своей точки зрѣнія, нѣсколько сурово и требовательно, но не трудно его сужденїя отличать отъ его наблюденїй. Греками иногда онъ былъ недоволенъ и за то, за что долженъ былъ бы хвалить ихъ, наприм. за ихъ вѣрность древнимъ церковнымъ вѣрованїямъ. Слогъ его дневника неуклюжъ, но это не составляетъ большой бѣды. Мы съ удовольствїемъ станемъ пользоваться дневникомъ Герлаха. Онъ цитируется нѣмцами въ родѣ Гейнекція, Цинкейзена и Пихлера, изъ него приводятся выдержки Гейнекціемъ, онъ превосходно изученъ Леграномъ. Меньше всего знаютъ этотъ дневникъ греческіе и русскїе ученые. Оканчивая рѣчь о Герлахѣ, мы, такимъ образомъ, расстаемся съ кружкомъ тюбингенцевъ XVI вѣка, которымъ такъ много обязана церковно-историческая наука и о которыхъ такъ много пришлось намъ говорить.

Венеціанскїе документы XV-го и XVI-го вѣка.—Разумѣемъ одну книгу нашего русскаго ученаго, профессора Владимира Ламанскаго, который не такъ давно выдалъ ее подъ нѣсколько претенціознымъ заглавіемъ: *Secrets d'état de Venise* („Тайны Венеціанской республики“) съ пояснительнымъ добавленїемъ: *Documents, extraits, notices et études servant a éclaircir les rapports de la seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte Ottomane a la fin du XV et au XVI siècle* („Документы, извлеченїя, замѣтки и этюды служащіе къ уясненїю отношенїй венеціанской республики къ Грекамъ, Славянамъ и Оттоманской Портѣ, въ концѣ XV-го XVI-мъ вѣкѣ)¹⁾. Конечно „тайны Венеціи“ намъ не нужны, насъ интересуютъ документы, изданные почтеннымъ ученымъ и ознакомляющїе насъ съ отношенїями Порты къ Грекамъ въ XV и XVI вѣкахъ. Книга не есть перепечатка чего нибудь стараго. Нѣтъ, помѣщенные въ ней документы извлечены г. Ламанскимъ прямо изъ венеціанскихъ архивовъ. Она несомнѣнно интересна и имѣетъ большую научную цѣнность. На основанїи *подлинныхъ* доку-

¹⁾ Издано въ Петербургѣ, въ 1884 г.

ментовъ, въ ней заключающихся, мы узнаёмъ: хорошо ли или худо жилось Грекамъ подъ владычествомъ Турокъ? Слаще ли имъ жилось подъ владычествомъ Венеціанцевъ, христіанъ — римско-католическаго исповѣданія? Силою ли лишь оружія Турки побѣждали Грековъ, подчиненныхъ Венеціи, или же отторгали ихъ изъ подъ этой власти, потому только, что владычество Турокъ было пріятнѣе для Грековъ, чѣмъ владычество Венеціанцевъ? Какъ смотрѣли Венеціанцы на Грековъ, — какъ на враговъ или друзей Турокъ? Почему Венеціанцы взирали на патріарха константинопольскаго столь же враждебно, какъ и на самого султана? Чья была хуже, безнравственнѣе политика — христіанъ-венеціанцевъ, или же нехристей — Турокъ? Все вопросы любопытные, на которые находимъ прямые и удовлетворительные отвѣты въ „документахъ“ г. Ламанскаго. Документы изданы въ подлинникахъ, т. е. на томъ языкѣ, на какомъ они первоначально написаны, а такимъ для нихъ служить языкъ латинскій и итальянскій. Конечно, итальянскій языкъ не всѣмъ знакомъ. Для незнакомыхъ съ этимъ языкомъ, существуетъ въ книгѣ очень подробный регистръ документовъ, составленный на общепонятномъ французскомъ языкѣ; на этомъ-же языкѣ написаны и всѣ многочисленныя и иногда очень обстоятельныя замѣтки издателя. Пользовался-ли кто-нибудь книгой г. Ламанскаго въ интересахъ изученія отношеній Порты къ Грекамъ и Грековъ къ Портѣ — кто нибудь, кромѣ самого г. Ламанскаго, который, какъ видно изъ нѣкоторыхъ его сочиненій, недаромъ трудился надъ извлеченіемъ венеціанскихъ документовъ изъ пыли архивовъ — мы совсѣмъ не знаемъ. Но несомнѣнно пользоваться ею необходимо, когда дѣло идетъ объ изученіи сейчасъ указанныхъ взаимныхъ отношеній Порты и Грековъ въ XV и XVI вѣкахъ. Матеріалы, даваемые разсматриваемымъ изданіемъ, свѣжи и важны своею непосредственною правдивостію.

III. Источники для изученія греческой церкви XVII вѣка.

Монументы Эймона (Aumon). — Одною изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей греческой церкви начала XVII вѣка былъ извѣстный патріархъ константинопольскій Кирилль Лукаръ, долго управлявшій константинопольскою церковію. Онъ замѣчателенъ и самъ по себѣ и еще болѣе по тѣмъ шумнымъ спорамъ изъ за Кирилла, которые возникли по

его смерти въ греческой церкви и даже за предѣлами ея. Споры эти повели къ очень важнымъ результатамъ въ исторіи греческой церкви. Въ смыслѣ научномъ споры эти не прекратились еще и теперь. Однимъ изъ очень любопытныхъ памятниковъ, имѣющихъ самое близкое отношеніе къ личности Кирилла Лукаря и его исторіи служатъ названные нами „Монументы“ Эймона. Полное заглавіе памятника читается такъ: „Monuments authentiques de la religion des Grecs et de la faussete de plusieurs confessions de foi des chrétiens orientaux („Подлинныя памятники религіи Грековъ и лживости многихъ вѣроизложеній восточныхъ христіанъ“). Par Aumon, ministre du St. Evangile. A la Haye (Гага) 1708¹⁾. Монументы Эймона заключаютъ въ себѣ множество документовъ, имѣющихъ цѣлію доказать протестантскій образъ мысли и убѣжденій Кирилла. Книга эта содержитъ въ себѣ „двадцать семь неизданныхъ дотолѣ писемъ Кирилла, извлеченныхъ изъ оригинальныхъ греческихъ (?), латинскихъ и итальянскихъ манускриптовъ,—писемъ, которыя до сихъ поръ не являлись въ свѣтъ, и которыя писаны и подписаны собственною рукою патріарха константинопольскаго“ (см. оглавленіе книги). Письма адресуются къ различнымъ представителямъ духовнаго и свѣтскаго міра въ средѣ протестантовъ и выражаютъ протестантскія воззрѣнія. Всѣ эти письма написаны или на латинскомъ или итальянскомъ языкахъ (тѣмъ и другимъ изъ этихъ языковъ Кириллъ дѣйствительно владѣлъ) и отпечатаны съ французскимъ переводомъ и примѣчаніями на этомъ же языкѣ. Здѣсь же въ этихъ памятникахъ перепечатано, ранѣе опубликованное на Западѣ съ именемъ Кирилла, знаменитое „Исповѣданіе вѣры“ протестантскаго и даже кальвинскаго характера въ греческомъ текстѣ съ французскимъ переводомъ. Кромѣ того у Эймона

1) Тоже самое изданіе въ большей части исторической литературы цитируется иначе: „Lettres anecdotes de Cyrille Lucar et cet.“, причѣмъ мѣстомъ печатанія обозначается: Амстердамъ, а годомъ изданія: 1718 г. Но это изданіе „воровское“ (furtim, opinor, hic liber typis exscriptus est—говорилъ Киммель: Monumenta fidei ecclesiae orientalis, prolegom. p. XLV. Jenae. 1850), такъ какъ книга эта, съ книгою вышецитированною нами, имѣетъ, по указанію Киммеля, одинъ и тотъ же счетъ страницъ, напечатана одними и тѣми же буквами и имѣетъ однѣ и тѣ же ошибки. Мы впрочемъ владѣемъ подлиннымъ изданіемъ Эймона.

встрѣчаемъ отрывки изъ проповѣдей Кирилла и нѣкоторые другіе документы, относящіеся къ его исторіи, но изданіе ихъ указаннымъ лицомъ не имѣетъ значенія, такъ какъ эти документы другими издателями изданы много лучше. Возникаетъ вопросъ, съ какой стати какой то Эймонъ, протестантскій пасторъ въ Греноблѣ, задумалъ издавать всѣ вышеуказанные документы? Когда появилось въ свѣтъ, въ началѣ XVII вѣка, знаменитое „Исповѣданіе вѣры“ протестантскаго характера съ именемъ Кирилла, то понятно, протестанты очень обрадовались этому обстоятельству: въ борьбѣ съ римско-католиками протестанты могли опираться на этотъ фактъ, какъ на доказательство, что греческая церковь на сторонѣ ихъ, а не римско-католиковъ. Въ виду этого, римскіе католики начали всячески порицать Кирилла. И вотъ на защиту Кирилла и выступаетъ Эймонъ съ своимъ изданіемъ. Онъ говоритъ: „партизаны папства и защитники папизма были такъ озлоблены противъ этого знаменитаго патріарха, съ тѣхъ поръ, какъ онъ имѣлъ смѣлость обнародовать Исповѣданіе вѣры съ именемъ исповѣданія церкви Восточной, во всемъ сообразное съ ученіемъ церковей протестантскихъ, — такъ были озлоблены, что и по его смерти старались чернить его репутацію и опровергать его ученіе“ ¹⁾. Какія были частнѣйшія побужденія для Эймона издать „Памятники“, для насъ не представляетъ интереса. Оставляемъ въ сторонѣ и вопросъ о томъ, достигъ ли онъ какихъ либо цѣлей, по-своему защищая Кирилла. Для науки имѣютъ значеніе только письма Кирилла, и отчасти „Исповѣданіе“ его-же, изданныя въ разсматриваемыхъ „Памятникахъ“ ²⁾. Въ настоящее время впрочемъ извѣстно писемъ съ именемъ Кирилла Лукаря больше, чѣмъ сколько зналъ Эймонъ, но все же его изданіе останея основнымъ. Разсматриваемое изданіе долженъ имѣть подъ руками всякій ученый, изучающій исторію греческой церкви XVII вѣка, потому что вопросъ о православіи Кирилла не рѣшенъ окончательно и до нынѣ. Будетъ ли по-

1) Аумон. р. 7.

2) Заслуги Эймона, напечатавшаго много, неизданныхъ дотолѣ, писемъ Кирилла, высоко цѣнить и такой серьезный ученый, какъ Kimmel: Monumenta fidei ecclesiae orientalis, prolegom р XXX.

добный ученый доказывать, что Кирилль православенъ, въ такомъ случаѣ на немъ лежитъ обязанность указать признаки неподлинности писемъ Кирилла у Эймона; а если онъ будетъ доказывать протестантизмъ Кирилла, то ни на чемъ онъ не можетъ опереться съ такою силою, съ какою онъ можетъ это дѣлать, по отношенію къ „Памятникамъ“ Эймона. Изданіе это тѣмъ важнѣе, что, какъ мы сказали, вопросъ о Кириллѣ не рѣшенъ въ наукѣ окончательно. Западная наука, какъ протестантская, такъ и римско-католическая (Hefele, Pichler) почитаетъ Кирилла протестантствующимъ патріархомъ; вся греческая литература напротивъ единодушно защищаетъ православіе того же лица; а русская литература колеблется между этими двумя взглядами: въ русскихъ изслѣдованіяхъ (проф. Малышевскій, архим. Арсеній Брянцевъ) авторы ихъ идутъ по слѣдамъ греческихъ ученыхъ, но уже слышатся въ нашей наукѣ и голоса скептическіе, принадлежащіе очень серьезнымъ ученымъ и склоняющіеся въ обратную сторону при рѣшеніи вопроса. Всякій, кто станетъ заниматься указаннымъ вопросомъ, вынуждается снова поднимать его во всей его широтѣ— и не можетъ обойтись безъ старинной книги Эймона.

Акты собора іерусалимскаго 1672 года.—Почему не установилось одинаковыхъ взглядовъ на Кирилла въ православной исторической наукѣ, почему греческіе ученые очень ревностно защищаютъ православіе Кирилла, это само собою уяснится, если мы познакоимся съ содержаніемъ такого важнаго памятника, какъ Акты собора іерусалимскаго 1672 года. Хорошо извѣстно, что соборъ этотъ собранъ былъ знаменитымъ Досифеемъ, патріархомъ іерусалимскимъ и имѣлъ цѣлю защитить чистоту православія греческой церкви, послѣ появленія „Исповѣданія вѣры“ съ именемъ Кирилла, вслѣдствіе чего возникли нареканія и подозрѣнія въ сохраненіи святости вѣры и самую церковь греческою. Прежде всего скажемъ нѣсколько словъ объ изданіяхъ Актовъ собора іерусалимскаго. Акты іерусалимскаго собора, кромѣ этого своего названія, носятъ другое, болѣе пышное: „Ицитъ Православія“ (*Ἐκτίσις ὀρθοδοξίας* и т. д.). Самое раннее изданіе Актовъ появилось въ Парижѣ на греческомъ и латинскомъ языкѣ, въ 1676 году. По чьей инициативѣ оно сдѣлано—неизвѣстно. Это изданіе считаютъ авторитетнымъ

въ греческой церкви, какъ это видно изъ того, что оно именно цитируется въ такъ называемыхъ „Граматахъ вселенскихъ патріарховъ съ изложеніемъ православнаго исповѣданія“ (объ этомъ русскомъ изданіи скажемъ ниже). Другое изданіе Актовъ сдѣлано извѣстнымъ Гардюэномъ въ его *Acta conciliorum* (tom. XI). Кроме того существуетъ бухарестское изданіе, сдѣланное самимъ Досиѣемъ въ 1690 году и озаглавленное „Мечъ обличенія“ (*Ευχειρίδιον ἐλέγχου* и т. д.—длинное заглавіе). Лучшимъ изъ всѣхъ въ настоящее время считается изданіе Киммеля, вошедшее въ его двухтомную книгу: *Monumenta fidei ecclesiae orientalis* (Pars I, Jenae, 1850). Оно представляетъ собою сведеніе въ одно цѣлое текста парижскаго изданія 1676 года съ текстомъ изданія Гардюэна ¹⁾, но это не какая либо произвольная фабрикація, а редакція чуждая тенденцій и пристрастія. Мы теперь и въ будущемъ станемъ пользоваться Киммелевымъ текстомъ Актовъ. Соборъ іерусалимскій имѣлъ цѣлю освободить Кирилла отъ нареканій въ увлеченіи протестантствомъ, и въ виду этого намѣренія представилъ много выдержекъ изъ проповѣдей Кирилла въ доказательство его православія, а вмѣстѣ съ тѣмъ для удостовѣренія той мысли, что указанный патріархъ не писалъ, надѣлавшаго столько шума, „Исповѣданія вѣры“. Достигъ ли соборъ этой цѣли? Т. е. доказалъ ли онъ то, что хотѣлъ доказать? Греческіе писатели не вдаваясь въ критическую оцѣнку дѣятельности этого собора и содержанія его актовъ, не обвиняясь отвѣчаютъ: достигъ и доказалъ. Но греческіе писатели вовсе не обладаютъ такимъ авторитетомъ, чтобы наука обязывалась довѣрять имъ. Даже очень осторожные между русскими учеными иногда позволяютъ себѣ замѣчать, что акты „даютъ возможность Кириллову апологету отстаивать патріарха константинопольскаго (отъ извѣстныхъ нареканій) лишь въ его официальной дѣятельности“. Но если такъ, то акты, повидимому, не совсѣмъ достигаютъ своей цѣли. Дѣйствительно, текстъ актовъ во многихъ случаяхъ даетъ возможность открывать, что, хотя соборъ имѣлъ цѣлю пооблечь Кирилла, но онъ сдѣлалъ это лишь на половину. Во многихъ мѣстахъ рассматри-

¹⁾ Kimmel. *Monumenta*, prolegom. p. XC—XCI.

ваемыхъ Актовъ слышится очень явная неувѣренность въ томъ, что Кириллъ заслуживаетъ защиты и покровительства со стороны церковнаго авторитета. Соборъ, напримѣръ, говоритъ, что если Кирилломъ издано извѣстное „Исповѣданіе“, то слѣдуетъ, что издано оно тайно и обманомъ (Kimmel. Monumenta, p. 379 init.). Тотъ же соборъ нѣсколько далѣе говоритъ, очевидно, разумѣя никого другаго, какъ именно Кирилла: „церковь постоянно слѣдуетъ не какимъ нибудь честолюбцамъ, дѣйствующимъ посредствомъ лукавства, тайно сплетающимъ, подобно паутинѣ паука, удоборазрушимые призраки, но людямъ во всемъ совершенно между собою согласнымъ“ (ibid. 381 init.). Или соборъ даже еще яснѣе говоритъ: „если патриархъ Кириллъ и въ самомъ дѣлѣ еретикъ, если онъ написалъ то надѣлавшее шуму Исповѣданіе, при чемъ явно (въ проповѣдяхъ — въ церкви) училъ одному, а въ глубинѣ души вѣровалъ другому; то онъ написалъ это, не причинивъ ущерба восточной церкви, которую блюдетъ Самъ Духъ Святой, а лишь причинивъ вредъ собственной совѣсти“ (ibid. 379). Въ актахъ того же собора находимъ еще такія рѣчи о Кириллѣ: „противники наши (протестанты?) хвалятся Кирилломъ, какъ человѣкомъ святымъ; но говорить такъ они не должны“ (и послѣ нѣкоторыхъ разсужденій соборъ заявляетъ, очевидно, продолжая прежнюю рѣчь о Кириллѣ), „ибо того, кто сдѣлался отцемъ нечестія, признаемъ не святымъ, какъ усиливаются это дѣлать враги наши, а признаемъ человѣкомъ жалкимъ, который совершенно не имѣетъ части со Христомъ“ (ibid. 398). Наконецъ, разсматриваемый соборъ, принимая въ свои акты опредѣленія двухъ предшествующихъ константинопольскихъ соборовъ, издѣдовавшихъ извѣстное „Исповѣданіе“, но мало служащихъ къ чести Кирилла, тѣмъ не менѣе говоритъ отъ лица своихъ членовъ: „опредѣленія этихъ соборовъ, въ подтвержденіе того, что ими сдѣлано, мы вносимъ сюда, такъ какъ съ ними (этими опредѣленіями) мы во всемъ согласны“, и дальше слѣдуетъ: „опредѣленіе собора константинопольскаго, *противъ* Кирилла Лукаря“... и т. д. (ibid. 398). Здѣсь не мѣсто входить въ подробныя разсужденія по вопросу о соборѣ іерусалимскомъ и не затѣмъ привели мы извѣстія, извлеченныя изъ его актовъ. Послѣднее сдѣлали мы для того, чтобы показать, что акты эти недоста-

точно изучены и требуютъ усерднаго къ себѣ вниманія со стороны науки. Не то хотимъ мы сказать этими словами, что сами намѣрены мы заняться дѣломъ, которымъ до сихъ поръ еще никто — должнымъ образомъ не занимался; нѣтъ, мы впослѣдствіи сдѣлаемъ, что можемъ — но сдѣланное нами конечно будетъ не велико. Вышеприведенныя извлеченія изъ актовъ должны свидѣтельствовать, что едва ли правы греческіе писатели, которые, безо всякой критики, принимаютъ выводы собора іерусалимскаго, и что нельзя порицать тѣхъ русскихъ ученыхъ, которые скептически смотрятъ на православіе Кирилла, не давая вѣсу доказательствамъ въ этомъ родѣ. Вообще Греки намъ не указъ въ разсматриваемомъ случаѣ: они слишкомъ любятъ тщеславиться своимъ православіемъ. Но исторія съ своими задачами стоитъ выше всякимъ претензій и мелкаго самолюбія.

Значительная часть актовъ собора іерусалимскаго, именно, догматическія опредѣленія его извѣстны и въ русскомъ переводѣ. Въ 1723 году или около того по какому то случаю нѣкоторые представители англійской церкви подняли вопросъ о соединеніи ихъ церкви съ греко-восточною. Съ этою цѣлю они обратились за необходимыми разъясненіями къ церкви константинопольской (и повидимому къ русской). Константинопольская церковь для ознакомленія англичанъ съ догматами православной церкви послала въ Великобританію догматическія опредѣленія изучаемаго нами собора; въ то же время константинопольская церковь эти же опредѣленія въ греческомъ текстѣ сообщила и русскому Святѣйшему Синоду, имѣя въ виду дать русской церкви руководство на случай, который въ одной патріаршей граматѣ указанъ въ словахъ: „и вы, убо, аще намѣреніе имѣете, и хотите писати и отвѣщати онымъ (англичанамъ), тако тощю пишете, глаголюще, яко сичево есть наше Восточныя церкви мудрованіе“ ¹⁾. Мы не знаемъ, сдѣлала ли русская церковь изъ присланныхъ съ Востока документовъ то употребленіе, возможность котораго предполагалась цитируемую патріаршею граматою. Во всякомъ случаѣ русское изданіе догматическихъ опредѣленій собора іерусалимскаго появилось только

¹⁾ Граматы вселенскихъ патріарховъ съ изложеніемъ православнаго исповѣданія Восточныя Каѳолическія церкви, стр. 20. Изд. 3-е. Москва 1853.

въ 30 годахъ текущаго вѣка—неизвѣстно по какому случаю. Какъ скоро пришли къ мысли издать указанный памятникъ для сыновъ русской церкви, порученіе объ исполненіи дѣла возложено было на знаменитаго нашего богослова, Филарета митрополита московскаго. Филаретъ не совсѣмъ остался доволенъ греческой редакціей опредѣленій. Кое-что ему показалось не соотвѣтствующимъ точному смыслу православнаго ученія. Онъ нашелъ необходимымъ, какъ онъ выражается въ одномъ письмѣ, дать дѣлу „правильный и не дикій видъ“¹⁾. Для достиженія этой цѣли, Филаретъ при переводѣ догматическихъ опредѣленій собора, одно выпустилъ, а другое ради большей догматической точности и опредѣленности выразилъ много лучше, благодаря своему неподражаемому богословскому языку. Укажемъ тѣ опущенія, которыя сдѣланы Филаретомъ съ указаннымъ его намѣреніемъ. Въ опредѣленіяхъ есть прямое вѣрованіе въ неизгладимость благодати, даруемой священствомъ рукоположенному: „какъ таинство крещенія налагаетъ неизгладимую печать — говорится здѣсь — такъ и священство“ (Kimmel, p. 456). Но такого вѣрованія не держится вселенская церковь, а потому эти слова Филаретомъ изглажены. Далѣе, въ концѣ опредѣленій приложены четыре вопроса и четыре на нихъ отвѣта (вопросы и отвѣты эти имѣютъ вѣроучительное значеніе). Въ третьемъ вопросѣ и отвѣтѣ рѣчь идетъ о томъ, какія книги Св. Писанія должно считать каноническими. Разъясняя эту сторону богословскаго вѣдѣнія, опредѣленія собора считаютъ каноническими книгами: и Премудрость Соломонову, и книгу Товитъ, и книги Маккавейскія, и Премудрость Сираха (ibid. 467 — 8). Но такого вѣрованія не находимъ во вселенской церкви, а потому Филаретъ опустилъ третій вопросо-отвѣтъ. Наконецъ, первый вопросо-отвѣтъ то же подвергся исправленію. Здѣсь вопросъ въ подлинникѣ читается такъ: „слѣдуетъ ли всѣмъ вообще христіанамъ допускать читать Св. Писаніе“? А въ отвѣтѣ на вопросъ прежде всего говорится: „нѣтъ“! Это абсолютное: „нѣтъ“ (оѵ.) Филаретомъ уничтожено, съ сохраненіемъ впрочемъ дальнѣйшихъ словъ отвѣта (ibid. p. 465).

¹⁾ Письма митроп. Филарета къ А. Н. Муравьеву. Письмо 30. стр. 45. Кіевъ, 1869 г.

Такъ возникъ и сложился русскій переводъ догматическихъ опредѣлений собора и явилась книжка: „Граматы вселенскихъ патріарховъ съ изложеніемъ православнаго исповѣданія“ и т. д. Безъ сомнѣнія догматистъ порадуется тому, что Филаретъ потрудился надъ исправленіемъ текста опредѣлений, но историкъ, имѣя пристрастіе ко всему архаическому и первоначальному, можетъ быть и поскорбить, что памятникъ получилъ слишкомъ „правильный и не дикій видъ“, какъ выражается святитель московскій ¹⁾.

Досиоѣй іерусалимскій и Мелетій аѳинскій. — Двоихъ этихъ писателей, не смотря на то, что они составили историческія сочиненія, охватывающія всю исторію христіанской церкви, мы станемъ разсматривать при изученіи источниковъ греческой исторіи лишь XVII вѣка, потому что они жили въ этомъ именно вѣкѣ, хотя и дожили до слѣдующаго, описывали въ своихъ сочиненіяхъ XVII вѣкъ, какъ современники—очевидцы, или же какъ люди, могшіе хо-

¹⁾ Кромѣ вышецитированнаго русскаго изданія, мы знаемъ еще два изданія „граматъ съ изложеніемъ православнаго исповѣданія“. Оба имѣютъ свои особенности. Греческое изданіе, сдѣланное въ Петербургѣ, въ 1840 г., представляетъ полное сходство съ русскимъ изданіемъ, оно имѣетъ тѣ же пропуски, какъ это послѣднее. Второе изданіе сдѣлано старо-католиками въ новомъ ихъ журналѣ *Revue internationale de Theologie* (1893, № 2) и составляетъ нѣмецкій переводъ „Граматы“ и проч. Оно сдѣлано съ сей-часъ упомянутаго греческаго петербургскаго текста, но имѣетъ еще болѣе пропусковъ, чѣмъ этотъ самый оригиналъ. Здѣсь пропущены всѣ четыре вопроса-отвѣта. Пропускъ двухъ первыхъ вопросовъ-отвѣтовъ касательно чтенія Св. Писанія мірянами мотивируется отъ старо-католическаго издателя перевода тѣмъ, что точка зрѣнія, проведенная въ этихъ разсужденіяхъ, теперь-де оставлена православно-восточною церковію. А пропускъ очень длиннаго четвертаго вопроса-отвѣта, который начинается словами: „какъ должно думать о святыхъ иконахъ и поклоненіи святымъ“ —ничѣмъ не мотивированъ. Уже не потому ли этотъ трактатъ пропущенъ старо-католиками, что онъ не соответствуетъ ихъ воззрѣніямъ? Быть можетъ, не безъ основанія говорить о старокатоликахъ, что они отъ одного берега отчалили, а къ другому не причалили. Всей вообще редакціей опредѣлений іерусалимскаго собора, переводчикъ старокатоликъ остался недоволенъ; онъ находитъ, что сюда вошли „формулы и выраженія, которыя редакторы заимствовали у западныхъ богослововъ среднихъ вѣковъ и XVII вѣка“ (ibid. S. 236). Что на эти опредѣленія имѣло вліяніе богословіе римско-католическое—это вѣрно; но не до такой степени, какъ увѣряетъ переводчикъ. Вообще этотъ послѣдній ставитъ Филаретовъ катихизисъ ради его миролюбиваго тона выше разсматриваемыхъ опредѣлений (ibid).

рошо знать указанное время. Біографію Досиѣя, патріарха іерусалимскаго, рассказывать мы не станемъ, потому что она достаточно извѣстна въ русской литературѣ ¹⁾. Отмѣтимъ лишь годъ его рожденія: это былъ 1641 годъ, и годъ его кончины: 1707. Главнѣйшее историческое сочиненіе Досиѣя, какъ извѣстно, заглавывается такъ: „Исторія патріарховъ іерусалимскихъ“ (*Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριάρχων* и проч.—длинное заглавіе). Замѣчательно, что сочиненіе, кромѣ греческаго, имѣетъ еще славянское заглавіе, которое начинается такъ: „Исторія, сирѣчь истинное сказаніе патріарховъ іерусалимскихъ, раздѣлено на дванадесять книгъ, начало, забирающее отъ Іакова, брата Господня“ и проч. Кстати сказать, что въ началѣ книги встрѣчаемъ „посвященіе“, обращенное по адресу русскаго митрополита Стефана Яворскаго, оно открывается слѣдующими темноватыми словами: „настоящаго времени званіе и состояніе вещей препятствіемъ бысть“ и проч. Какъ сочиненіе очень большое (1240 фоліантныхъ страницъ), исторія Досиѣя получила у нѣкоторыхъ Грековъ наименованіе: „Библіотеки“ ²⁾, Относительно заслугъ Досиѣя, какъ историка, написавшаго этотъ трудъ, сказать что либо опредѣленное затруднительно. По его собственнымъ словамъ, въ основу его труда положено готовое сочиненіе извѣстнаго Паисія Лигарида, но какъ попало это сочиненіе въ руки іерусалимскаго патріарха и какъ оно было велико, — объ этомъ мы мало что знаемъ. Самъ Досиѣй говоритъ, что Паисій „написалъ исторію патріарховъ іерусалимскихъ, которая и намъ весьма (*λίαν*) помогала, при составленіи нашего труда“, при этомъ, впрочемъ, замѣчаетъ, что „о патріархахъ со временъ Ираклія (?) Паисій не сказалъ ничего здраваго“ (σελ. 1180). Разумѣется изъ этихъ словъ не легко сдѣлать точное заключеніе о степени зависимости Досиѣя

¹⁾ Біографія эта подробно рассказана въ *Душен. Читеніи*, въ статьяхъ: „Досиѣй іерусалимскій“ (1877, т. III; 1878, т. I); кратко „въ Прибавленіяхъ къ Твор. Св. Отцовъ“ (т. 24), въ статьѣ Ректора А. В. Горскаго, подъ заглавіемъ: „о соборѣ іерусалимскомъ 1672 г.“ (стр. 57—594). Богатый матеріалъ для исторіи жизни этого лица можно находить въ книгѣ проф. Н. О. Кантерева: „Сношенія Досиѣя съ русскимъ правительствомъ“ (М. 1891).

²⁾ *Ζαβίρας. Νέα Ελλάς*, σελ. 269. Аѳины, 1872.

отъ Паисія, котораго онъ читалъ въ неизвѣстной теперь рукописи. Кромѣ самого Досиоея и Паисія, авторскія права на разсматриваемую „Исторію“ можетъ предъявлять и издатель ея, патріархъ іерусалимскій Хрисанъ, преемникъ и племянникъ Досиоея, ибо въ заглавномъ листѣ книги говорится, что она „исправлена и приведена въ лучшій порядокъ“ Хрисанеомъ. Вообще съ точки зрѣнія авторства, „Исторія“ представляетъ нѣкоторую загадку, тѣмъ болѣе, что Паисій по рекомендаціи Досиоея, былъ „латинофронъ“, слѣдовательно писатель неблагонадежный. Но какъ это неблагонадежнаго писателя Досиоей превращалъ въ благонадежнаго; что онъ дѣлалъ для этого — отвѣта нѣтъ. Впрочемъ намъ нѣтъ надобности составлять точное сужденіе о всей исторіи Досиоея въ ея совокупности: насъ интересуютъ главнымъ образомъ свѣдѣнія, какія онъ даетъ относительно XVII вѣка. Сата говоритъ, что исторія константинопольскихъ патріарховъ этого вѣка заставляеть очень многого желать, ибо и личности патріарховъ, и дѣла ихъ, и хронологія представляютъ у писателей замѣчательный хаосъ. Что же касается Досиоея, то онъ, по словамъ Саты, съ достаточною внимательностію относится къ исторіи константинопольскихъ патріарховъ какъ своего времени, такъ и ближайшихъ къ нему время. Онъ сообщаетъ извѣстія о нихъ какъ на основаніи собственныхъ наблюденій, такъ и на основаніи разныхъ замѣтокъ ¹⁾. Въ свое время и въ своемъ мѣстѣ мы воспользуемся извѣстіями Досиоея о патріархахъ константинопольскихъ XVII вѣка. Нужно сказать, что большая часть характеристикъ, указанныхъ патріарховъ, у Досиоея не клонится къ ихъ чести; онъ выставляетъ ихъ малоспособными и плохо державшими кормило правленія въ рукахъ. Заранѣе обращаемъ вниманіе на отзывъ Досиоея о знаменитомъ Кириллѣ Лукарѣ; этого отзыва по нѣкоторымъ основаніямъ, мы не ожидали встрѣтить здѣсь (σελ. 1171). Кромѣ свѣдѣній о патріархахъ турецкой столицы, мы почти ничего не находимъ у Досиоея: онъ мало касается другихъ сторонъ въ жизни константинопольскаго патріархата XVII вѣка. Исторія Досиоея издана въ 1715 году, въ Бухарестѣ. По заявленію Хрисанеа, эта книга раздава-

¹⁾ Sathas. Bibliotheca Graeca. III. Πρόλ., σελ. 20.

лась даромъ благочестивымъ христіанамъ. Но какъ это происходило—не знаемъ. По словамъ одного греческаго писателя второй половины XVIII вѣка, исторія Досиоея нуждалась во второмъ изданіи, такъ какъ она и тогда была очень дорога и рѣдка ¹⁾. Но втораго изданія ея не послѣдовало. Какъ же рѣдка и дорога она теперь, не смотря, на неуклюжій форматъ и неряшество изданія?

О Мелетіи аѳинскомъ. Вотъ краткія свѣдѣнія изъ его біографіи. Мелетій родился въ Яннинѣ въ 1661 году; получилъ образованіе въ своемъ родномъ городѣ и сдѣлался здѣсь же священникомъ. Затѣмъ для усовершенствованія въ наукахъ отправился въ Венецію и Падую. Изучалъ здѣсь медицину и философію и освоился съ латинскимъ языкомъ. Потомъ онъ былъ сдѣланъ митрополитомъ навпактскимъ и артскимъ, и наконецъ получилъ въ управленіе митрополию аѳинскую. Умеръ въ 1714 году, въ лѣтахъ далеко не преклонныхъ. Извѣстное его церковно-историческое сочиненіе носитъ простое заглавіе: „Церковная исторія (*Εκκλησιαστική Ιστορία*)“. Начинается она пространнымъ введеніемъ, въ которомъ читатель готовится къ пониманію церковно-исторической науки, а затѣмъ идетъ самая церковная исторія, расположенная по вѣкамъ и доведенная почти до времени его кончины. По всей вѣроятности, трудъ не былъ окончательно обработанъ авторомъ. Исторія Мелетія до 1766 года оставалась неизвѣстною просвѣщенной греческой публикѣ. Только въ указанномъ году она въ рукописи была открыта однимъ его согражданиномъ (Лампаничіотисомъ изъ Яннины) въ святогробской бібліотекѣ въ Константинополѣ. Повидимому, находка произошла случайно. Открывшій рукопись рѣшился издать ее въ свѣтъ и съ этою цѣлю отдалъ рукопись Іоанну Палеологу, протоапостоларію великой церкви, съ тѣмъ, чтобы онъ перевелъ исторію Мелетія съ древне-греческаго языка, на которомъ она была написана, на ново-греческое нарѣчіе, какъ болѣе удобное для большинства Эллиновъ. Но какъ оказалось Палеологъ взялъ на себя трудъ перевода исключительно ради обѣщаннаго гонорара, и выполнилъ дѣло очень худо. Тогда любитель науки, открывшій рукопись, передалъ ее

¹⁾ Ζαβίρας. Loc. citat.

для пересмотра и обработкѣ нѣкоему Георгію Вендотису, въ Закинеѣ, человѣку славившемуся просвѣщеніемъ. Онъ и приготовилъ оригиналъ для печати: исправилъ переводъ, поправилъ ошибки и недосмотры въ текстѣ, снабдилъ его примѣчаніями и т. д. Исторія Мелетія была напечатана въ Вѣнѣ въ трехъ томахъ (въ 1683—4 г.). Въ пятидесятихъ годахъ текущаго вѣка предпринято было въ Константинополѣ второе изданіе исторіи Мелетія, но вышелъ только первый томъ, при чемъ издатель со стороны языка хотѣлъ приблизить ее къ оригиналу (т. е. возстановить тотъ древлегреческій языкъ, на которомъ она была написана сначала). Смерть издателя помѣшала благополучно окончиться предпріятію ¹⁾. Есть основаніе утверждать, что тотчасъ послѣ открытія оригинала исторіи Мелетія въ святогробской бібліотекѣ, еще до времени его печатанія, разсматриваемый трудъ распространился въ публикѣ въ рукописи. Такъ мы знаемъ, что извѣстный Евгений Булгарисъ, ученый греческій архіепископъ, состоявшій на церковной службѣ въ Россіи, владѣлъ рукописною исторіею Мелетія, но она, по его словамъ, имѣла крайне неисправный видъ, такъ что, какъ онъ выражался, походила на Авгіевы конюшни ²⁾. Для насъ было бы дѣломъ лишнимъ составлять сужденіе о всей исторіи Мелетія; но мы не можемъ удержаться, чтобы не привести нѣсколько словъ, принадлежащихъ вышеуказанному Евгенію Булгарину и кратко характеризующихъ этотъ ученый трудъ. Евгений говоритъ: „по части критики Мелетій не силенъ; но за то онъ точенъ въ цитатахъ. Свидѣтельства онъ приводитъ, точно держась стила тѣхъ авторовъ, изъ которыхъ они берутся. Поэтому, языку Мелетія не достаеъ единства. Впрочемъ, въ книгѣ выдержано единство метода. Авторъ былъ человѣкъ чрезвычайно старательный“ ³⁾. Значитъ, по сужденію Евгенія, книга Мелетія для своего времени была очень удовлетворительна. Для насъ важнѣе знать, хорошо ли Мелетій описалъ турецкій періодъ гре-

¹⁾ Σάθας. *Νεοελληνική φιλολογία*, σελ. 390—392. Авины, 1868. *Μελετίου. Ιστορία. Τόμ. Ι, Πρόλογος*, σελ: 14—19.

²⁾ Apud Methodium, archiepiscopum Twerensem. Liber historicus de rebus in... ecclesia Christiana, p. 42—43. Mosquae, 1855.

³⁾ Apud Methodium Twerens., ibid.

ческой церковной исторіи— и въ особенности XVII вѣкъ, съ которымъ аѳинскій архіерей долженъ былъ основательно быть знакомъ. Здѣсь приведемъ сужденіе Саты, съ которымъ (сужденіемъ) на этотъ разъ мы вполне согласны. Названный ученый говоритъ: „послѣ Досиоея съ наибольшимъ тактомъ изучалъ исторію константинопольской патріархіи турецкихъ временъ Мелетій; въ третьемъ томѣ своей церковной исторіи онъ собралъ много извѣстій, сюда относящихся. Правда онъ не зналъ хронографіи Дамаскина Студита и довольствуется тѣмъ извлеченіемъ, какое сдѣлано Малаксомъ и издано Крузіемъ, но онъ присоединилъ много свѣдѣній, пропущенныхъ въ этомъ извлеченіи“. Что касается XVII вѣка, то объ изученіи Мелетіемъ этого времени Сата замѣчаетъ: Мелетій „старательно передалъ намъ нѣкоторыя подробности о событіяхъ, начиная отъ времени управленія константинопольскою церковію патріарха Тимооея II до времени патріаршества Каллинина (1614—1702 г.)—такія подробности, какихъ ни откуда еще нельзя почерпнуть“¹⁾. Хорошо! Но Сата не отмѣтилъ вотъ какого недостатка у Мелетія, какъ писателя, изобразившаго и свой вѣкъ, въ которомъ онъ самъ жилъ. Мелетій, говоря о XVII-мъ вѣкѣ слишкомъ много распространяется о событіяхъ и явленіяхъ западнаго христіанскаго міра, и очень коротко повѣствуетъ о греко-христіанскомъ Востокѣ. Какъ бы мы ему были благодарны, если бы онъ поступилъ какъ разъ наоборотъ. О западномъ христіанствѣ XVII вѣка мы знаемъ такъ много, что едва можемъ разобраться въ извѣстіяхъ въ этомъ отношеніи, а о христіанскомъ Востокѣ того же вѣка напротивъ такъ мало знаемъ, что остается только печалиться и скорбѣть. Въ заключеніе отмѣтимъ, что мы высоко цѣнимъ нѣкоторыя скептическія замѣчанія автора касательно дѣятельности извѣстнаго собора Іерусалимскаго 1672 года (*Томъ 3 сел.* 469), а также краткія, но мѣткія замѣчанія автора, въ которыхъ довольно вѣрно характеризуется слишкомъ суетливая натура Досиоея іерусалимскаго (*ibid.* 484—486). Любопытно сравнить извѣстія Мелетія и его современника Досиоея іерусалимскаго, относящіяся къ исторіи константинопольской патріархіи. Вообще, церковная

¹⁾ Sathas. Bibliotheca Graeca medii aevi. Vol III. *Πρόλογος*, сел. 21.

исторія Мелетія есть книга очень полезная для исторіи греческой церкви новѣйшихъ временъ.

А. Н. Муравьевъ и его книги: „Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ“ (Части I и II. Петербургъ, 1858—1860 г.).—Вотъ наконецъ и русскій источникъ, очень важный въ дѣлѣ изученія греческой церкви XVI и въ особенности XVII вѣка. Названное изданіе не есть сочиненіе. Это сборникъ документовъ, извлеченныхъ изъ архива Министерства иностранныхъ дѣлъ и касающихся сношеній церковнаго Востока съ Россіей въ вышеуказанные вѣка. Само собою разумѣется, Греки въ сношеніяхъ съ Россіей пользовались не русскимъ, а греческимъ языкомъ. Русскій же переводъ, на которомъ изданы документы Муравьевымъ, обязанъ своимъ происхожденіемъ особому учрежденію древности — „посольскому приказу“, вѣдавшему иностранныя дѣла въ XVI и XVII вѣкахъ. Муравьевъ сознается, что иногда онъ нѣсколько уяснялъ русскій языкъ документовъ, но безъ этого обойтись было не возможно (Предисловіе къ I-й части). При одномъ случаѣ Муравьевъ пишетъ, что онъ приготовилъ къ печати еще такія же три части, содержащія подобныя же документы, но только документы нѣсколько болѣе поздняго времени. (Предисл. къ II части). Но увы, эти три части до сихъ поръ не увидали свѣта! По истинѣ, достойное сожалѣнія обстоятельство. Документы, уже напечатанные Муравьевымъ, имѣютъ несомнѣнную научно-историческую важность; таковы же—увѣрены мы—и тѣ документы, которые собраны были этимъ писателемъ, но не были имъ изданы. Важность документовъ, помѣщенныхъ во второй части и относящихся къ 1627—1645 годамъ, т. е. къ I-ой половинѣ XVII вѣка, видна уже изъ слѣдующаго: въ существѣ дѣла всѣ эти документы есть непріятное клянчанье о помощи, жалобы и сѣтованія греческихъ архіереевъ и монастырей на свою бѣдность и скорби, но тѣмъ не менѣе историческіе факты здѣсь, поскольку дѣло идетъ о константинопольскихъ патріархахъ, очень вѣрны дѣйствительности. Сравненіе этихъ документовъ съ греческими извѣстіями удостовѣряетъ правдивость первыхъ. Такъ это неожиданно! Значитъ несправедливо думать, что будто „Греки присно лъстивы“! Однѣ замѣтки разматриваемыхъ документовъ касательно знаменитаго Ки-

рилла Лукаря глубоко знаменательны и характеристичны! Но не будемъ ударяться въ подробности; значеніе этихъ документовъ читатель легко усмотритъ изъ тѣхъ цитатъ, какія нами будутъ приводимы въ дальнѣйшихъ нашихъ очеркахъ ¹⁾.

Кесарій Дапонте. — Дапонте! Кто это Дапонте? Извѣстностію, какъ историкъ, этотъ мужъ сталъ пользоваться очень недавно. Неутомимый Сата составилъ подробную біографію этого мужа. Но въ этомъ жизнеописаніи не усматривается ничего замѣчательнаго. Дапонте родился въ началѣ XVIII вѣка на о. Скопелѣ, получилъ не блестящее образованіе, затѣмъ проводилъ очень подвижную жизнь, похожую нѣсколько на жизнь авантюриста, бывалъ въ Константинополѣ, долго жилъ въ Бухарестѣ, Яссахъ, побывалъ въ Крыму—наконецъ попалъ въ Константинопольскую тюрьму. При посредствѣ золота, откупившись отъ тюрьмы, Дапонте, должно быть съ горя, ушелъ на Аѳонъ и сдѣлался монахомъ. Умеръ въ 1789 году ²⁾. Ничего замѣчательнаго! Такъ какъ значительная часть его жизни протекла въ монашеской келліи, то полагаемъ, что здѣсь и получили начало его историческіе труды. Извѣстность въ качествѣ историка, Дапонте получилъ недавно. Сата въ 1872 году издалъ его сочиненія въ своей „Греческой бібліотекѣ“, а одинъ румынскій ученый назадъ три года, повторилъ изданіе ихъ. И вотъ Дапонте получилъ реномэ историка. Откровенно говоря, если бы изданіе историческихъ трудовъ Дапонте не было новинкою въ наукѣ, мы и говорить о нихъ не стали бы. Такъ мало привлекательности представляютъ они на нашъ взглядъ. Но какъ скоро писатель пріобрѣлъ извѣстность, мы волей-неволей должны что нибудь сказать объ историкѣ, стяжавшемъ славу хотя спустя 100 лѣтъ по смерти. Дапонте составилъ „хронографію“ (*Χρονόγραφος*), обнимающую 1648—1794 годы бытія турецкой имперіи ³⁾. Уже то самое, что Дапонте опи-

¹⁾ Вообще о русскихъ источникахъ мы будемъ говорить кратко, такъ какъ эти источники вполнѣ доступны не только для ученаго, но и для простаго любителя греко-христіанской исторіи.

²⁾ Sathas. Bibliotheca Graeca, III. *Προλογ.* 28—45. *Σάθας. Νεοελλην. φιλολογία, σελ.* 501—502.

³⁾ Sathas. Bibliotheca Graeca, III, *σελ.* 3—70.

салъ такое время, въ какое онъ совсѣмъ не жилъ, мало общаетъ хорошаго читателю его хронографіи. И читатель, какъ мнѣ кажется, не ошибается, если не станетъ ждать чего нибуть путнаго отъ недостаточно образованнаго Кесарія, взявшаго на себя задачу говорить о томъ, чего онъ настоящимъ образомъ не зналъ. Во всякомъ случаѣ церковный историкъ совершенно напрасно потратилъ время, читая и перечитывая хронографію Дапонте. Историческій матеріалъ гражданскаго свойства у Кесарія на первомъ планѣ, а о церковныхъ дѣлахъ онъ говоритъ мало, даже почти ничего. Онъ отмѣчаетъ смѣны одного константинопольскаго патріаршествованія другимъ, кое-что говоритъ о неурядицахъ въ патріархіи, указываетъ обстоятельства, при которыхъ Турки повѣсили патріарха Парвонія (хиосскаго),—обстоятельства лишній, а потому излишній разъ доказывающія, что въ Турціи всякія нелѣпности возможны (σελ. 6). Въ хронографіи встрѣчаются рассказы о томъ, какъ двое Турокъ, впрочемъ въ разное время, обратились къ христіанству; но эти рассказы производятъ странное впечатлѣніе: одинъ рассказъ — баснословенъ (σελ. 26), а другой совсѣмъ непонятенъ—видите ли? нѣкій Мустафа-эффенди, пожелавъ сдѣлаться христіаниномъ, обратился къ патріарху Каллинику, котораго онъ любилъ, и наконецъ ушелъ (вдруг! почему?) въ Галату къ капуцинамъ, принялъ латинство и сдѣлался францисканцемъ (σελ. 42—3). Удивительно! Образованность свою Дапонте обнаруживаетъ въ томъ, что дѣлаетъ несообразныя сравненія, напр. великаго драгомана Александра Маврокордато именуетъ „вторымъ Кикерономъ“ (σελ. 16). Чтеніе хронографіи Дапонте очень затруднительно, вслѣдствіе множества словъ турецкихъ. И одна-кожъ—каковъ сюрпризъ—въ 1890 году эта самая хронографія вновь издана румынскимъ ученымъ, какимъ то Егбісеану, издана въ оригиналѣ съ румынскимъ переводомъ—въ національныхъ интересахъ¹⁾. Объясненіе этого страннаго явленія, кажется нужно искать въ томъ, что въ хронографіи много говорится о Молдаво-Валахіи.

Христофоръ Ангель, Рико и Эльснеръ. — Христофоръ Ангель, родомъ изъ Пелопонниса, не желая переносить

¹⁾ Theolog. Literaturzeitung, 1892, № 17, S. 422.

турецкаго деспотизма, бѣжалъ въ Англію, гдѣ въ началѣ XVII вѣка учился, а потомъ и жилъ въ Кембриджѣ и Оксфордѣ. Думаютъ, что подъ конецъ онъ сдѣлался даже кальвинистомъ ¹⁾. Онъ написалъ сочиненіе на греческомъ языкѣ (къ которому—сочиненію—издателемъ приложены латинскій переводъ и примѣчанія), подъ заглавіемъ: *De statu hodiernorum Graecorum* („О состояніи теперешнихъ Грековъ“) Lipsiae, 1655. Книга написана для иностранцевъ, не знакомыхъ съ православною греческою церковію, а потому будучи интересна для таковыхъ, мало имѣетъ значенія въ глазахъ человѣка православнаго, отъ рожденія знакомаго съ ученіемъ и обычаями Грековъ, какъ православныхъ. Намъ она пригодится лишь въ немногихъ вопросахъ, напр. о постахъ, именно о строгости, съ какою Греки исполняли ихъ, о матеріальномъ положеніи греческаго духовенства и т. д.—Рико (Ricaud), англичанинъ, состоялъ секретаремъ англійскаго посольства при Оттоманской Портѣ въ Константинополь, въ 70-хъ годахъ XVII вѣка. Былъ человѣкъ очень любознательный, написалъ впоследствии нѣсколько сочиненій о Турціи, между ними пользуется особенною извѣстностію (это переводъ съ англійскаго): *Histoire de l'église Grecque* („Исторія греческой церкви“), 2nde edition, Amsterdam, 1710. Въ сущности, сочиненіе не заслуживаетъ названія: „Исторія греческой церкви“, потому что это не исторія, а рядъ очерковъ о тѣхъ или другихъ сторонахъ состоянія Грековъ, преимущественно въ XVII в. Книга Рико напоминаетъ намъ дневникъ Герлаха, -- различіе между ними лишь въ системѣ изложенія и въ степени образованности ихъ авторовъ: Рико менѣе ученъ. Рико полезенъ почти въ тѣхъ же вопросахъ, въ какихъ и Герлахъ т. е. по вопросамъ о взаимныхъ отношеніяхъ Турокъ и Грековъ (Турки, по его сужденію, не были слишкомъ деспотичны въ отношеніи къ Грекамъ), объ особенной власти патріарха, объ уваженіи народа къ духовенству, о строгости постовъ, о разныхъ религіозныхъ обычаяхъ, объ отношеніи Грековъ къ римско-католикамъ, о христіанскомъ просвѣщеніи, о суевѣріяхъ и т. д. Мы охотно будемъ пользоваться книгою Рико, — въ немъ самомъ замѣтно теплое чувство къ Гре-

¹⁾ Σάδας. Νεοελλην. φιλολογία, σελ. 294.

камъ. — Эльснеръ (Elssner), нѣмецъ, написалъ: „Neueste Beschreibung der Griechischen Christen in der Türkei“ (Berlin, 1737), и еще „Fortsetzung der neuesten Beschreibung“ и пр. (Berlin, 1747)— („Новѣйшее описаніе состоянія греческихъ христіанъ въ Турціи“—и „Продолженіе того же сочиненія“). Хотя книга Эльснера издана въ XVIII вѣкѣ, но взоры автора обращены на недалекое прошедшее греческой церкви, и потому она можетъ считаться описаніемъ историческаго состоянія Греціи XVII вѣка. Авторъ, повидимому, самъ не бывалъ въ Турціи и описывалъ положеніе греческихъ христіанъ со словъ какого то константинопольскаго архимандрита, Аѳанасія Доростама, прибывшаго въ Германію, а потомъ Швецію, съ письмомъ патріарха Паисія (началъ править церковію въ двадцатыхъ годахъ) для сбора милостыни на выкупъ плѣнныхъ христіанъ. Эльснеръ описываетъ внѣшній видъ пятидесятилѣтняго Аѳанасія и весьма хвалитъ нравственныя качества его. Объ этихъ послѣднихъ качествахъ авторъ такъ пишетъ: „Разсказы Аѳанасія о теперешнемъ состояніи Грековъ имѣютъ всѣ признаки достовѣрности. Онъ архимандритъ, слѣдовательное важное духовное лице при патріархѣ, а потому можетъ сообщать вѣрныя извѣстія о разсказываемомъ, притомъ же это—мужъ разсудительный, не суевѣрный, серьезный, богобоязненный, страшащійся неправды и лжи“ (Vorrede). Въ подробности содержанія сочиненія Эльснера вдаваться не станемъ: оно вращается совершенно въ тѣхъ же сферахъ, какъ и извѣстныя книги Герлаха и Рико. Разсказы Аѳанасія авторомъ приводятся дословно, а имъ дана самостоятельная, систематическая, обработанная форма; поэтому сочиненіе Эльснера нельзя назвать источникомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Если читатель позволитъ, мы отнесли бы книгу Эльснера. такъ сказать, къ полуйсточникамъ исторической науки: здѣсь есть и то, что можно причислить къ источникамъ—разсказы Аѳанасія—и то, чего нельзя причислить сюда—собственныя сужденія автора, работавшаго кабинетнымъ способомъ и лично не бывавшаго въ турецкой Греціи. Эльснеръ имѣетъ много общаго въ воззрѣніяхъ съ Рико.—Книгою нѣмецкаго ученаго историкъ греческой церкви пользоваться обязанъ.

IV. Историки для изученія той-же исторіи XVIII вѣка.

По части разсматриваемыхъ источниковъ этотъ вѣкъ очень бѣденъ, но въ утѣшеніе себѣ и другимъ должны замѣтить, что назадъ тому менѣе четверти вѣка историки въ этомъ отношеніи были еще бѣднѣе — или точнѣе почти лишены были всякихъ источниковъ.

Опять Далонте. — Нашъ старый знакомый Далонте, кромѣ прежде разсмотрѣнной нами хронографіи, писалъ еще „Историческій каталогъ мужей знаменитыхъ“ (1700—1784 годовъ) — *Katálogos istorikós ándrōn epistēmōn*. Этотъ каталогъ, относящійся по своему происхожденію и содержанію къ XVIII вѣку изданъ впервые Сатою въ его „Греческой Библиотекѣ“ въ 1872 году ¹⁾. Въ этомъ сочиненіи Далонте описываетъ или же дѣлаетъ замѣтки о писателяхъ, принадлежащихъ къ разнымъ чинамъ, и о болѣе извѣстныхъ духовныхъ и мірскихъ лицахъ, отличавшихся своею дѣятельностію и жизнію. Имена лицъ, вошедшихъ въ „Каталогъ“ автора, расположены по порядку ихъ служебныхъ ранговъ. Сначала идутъ патріархи константинопольскіе (замѣтимъ, кстати, съ пропусками, обнимающими заразъ нѣсколько десятилѣтій), александрійскіе и пр., потомъ просто архіереи, — іеромонахи, іереи, іеродіаконы и монахи; потомъ русскіе императоры и императрицы вышеуказаннаго періода, господа, драгоманы и проч. Можно бы подумать, что авторъ счумѣлъ сказать много любопытнаго въ своемъ „Каталогѣ“, но ничего такого нѣтъ. Мы напрягали всѣ усилія, чтобы добыть хотя бы одну особенно любопытную выдержку изъ книги — но ничего не добыли. Говоря о писателяхъ XVIII вѣка, авторъ, повидимому, приводитъ заголовки ихъ сочиненій на память или со слуховъ, безъ указанія точнаго ихъ содержанія, мѣста и года изданія. Такъ, обыкновенно, пишутъ по исторіи литературы, не имѣя подъ руками никакихъ книгъ. Кой-какія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности „знаменитыхъ мужей“ нерѣдко заканчиваются молитвенными воздыханіями въ родѣ слѣдующихъ: „вѣчная тебѣ память“, или: „Слава Тебѣ, Боже!“ Курьеза ради процитируемъ отзывъ Далонте о нашемъ Петрѣ Великомъ. Этого государя онъ именуетъ „вторымъ солнцемъ“ (σελ. 136). И на томъ

¹⁾ Sathas. Tom. III, σελ. 73—200.

спасибо! Откровенно говоря, мы до сихъ поръ еще не рѣшили вопроса о томъ, станемъ ли мы впослѣдствіи чѣмъ либо пользоваться изъ этого сочиненія или же не станемъ, не смотря на новизну этого источника. Любопытно однакожь, что и это сочиненіе Дапonte издано въ 1890 году вторымъ изданіемъ, подъ редакціею прежде упомянутаго нами Евбісеани, снабдившаго оригиналъ отечественнымъ румынскимъ переводомъ ¹⁾). Мотивомъ изданія вѣроятно служить то, что здѣсь говорится о господахъ. Мы не усмотрѣли никакихъ достоинствъ въ разбираемой книгѣ Дапonte, но одинъ нѣмецъ, критикъ румынскаго изданія „Каталога“ взглянулъ на дѣло иначе. Онъ усмотрѣлъ въ книгѣ признаки прогрессивнаго движенія греко-христіанской мысли, а усмотрѣлъ онъ эти признаки въ томъ, что въ Греціи, судя по „Каталогу“, нѣкоторые духовныя лица увлекались идеями квіетиста (еретика) Молины ²⁾). По истинѣ хитеръ нѣмецъ, умудрился хоть за что-нибудь похвалить сочиненіе Дапonte. Но отъ такой похвалы, конечно, православному человѣку не поздоровится.

Сергій Макрей.—Макрей (*Μακραιός*)—знаменитость Саты. Указанный ученый тщательно составилъ біографію Макрея, но мы—въ интересахъ краткости—лишь немного заимствуемъ изъ нея. Макрей родился около середины XVIII вѣка въ Фурнѣ, первоначальное образованіе получилъ въ аграфской школѣ, но ему потомъ посчастливилось дважды учиться подъ руководствомъ знаменитаго греческаго ученаго Евгенія Булгариса— сначала въ такъ называемой аеонской Академіи, а потомъ въ константинопольской патріаршей школѣ. По окончаніи образованія, Макрей занялъ видное мѣсто преподавателя въ патріаршей же новооткрытой философской школѣ. Умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, въ 1819 году ³⁾). Макрей извѣстенъ составленіемъ церковно-историческаго сочиненія, подъ заглавіемъ: „Достопамятности церковной исторіи“ (обнимающаго 1750—1800 г.)—*Ἐπομνήματα ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας*. Сочиненіе это впервые издано въ свѣтъ

1) Это сочиненіе Дапonte издано въ Румыніи въ одной и той же книгѣ вмѣстѣ съ прежде рассматриваемой „хронографіей“ этого автора.

2) Theolog. Literaturzeitung, 1893 г., S. 424.

3) Sathas. Tom. III. *Πρόλογ.*, σελ. 71—81.

Сатою въ 1872 году, въ его извѣстной „Греческой Библиотекѣ“¹⁾). Оно раздѣляется на пять частей, но дѣленіе это чисто механическое. Повидимому, авторъ имѣлъ намѣреніе приложить въ концѣ каждой части списки патріарховъ и султановъ, упоминаемыхъ въ извѣстной части, но эти списки почему-то находимъ не при всѣхъ пяти частяхъ. Сата въ большемъ восторгѣ отъ церковной исторіи Макрея, почему онъ именуетъ автора „единственнымъ лицомъ, достойнымъ имени исторіографа“, а его исторію — „однимъ изъ наиболѣе почтенныхъ памятниковъ въ ряду хронографій“²⁾). Но мы не раздѣляемъ восторговъ Саты. Самое начало исторіи странное: она начинается, какъ говорится, ни съ того, ни съ сего. Исторія начинается такъ: „окончился 1750 годъ отъ Рождества Христова, и церковь стали отягощать различные взносы денегъ и издержки“. И это вдругъ! Правда дальше, но не сразу, авторъ объясняетъ, чѣмъ условливалось это явленіе, но всетаки начало остается страннымъ. А оканчивается исторія такъ, какъ будто бы авторъ ради отдыха закурилъ наргиле, а потомъ и... заснулъ. Церковная исторія Макрея въ существѣ дѣла есть исторія патріарховъ константинопольскихъ — и въ этомъ отношеніи она есть подробное изображеніе жизни и дѣятельности этихъ лицъ за цѣлую вторую половину XVIII вѣка. А это при бѣдности вообще источниковъ для указаннаго вѣка греческой церкви очень важно. Но, къ сожалѣнію, авторъ ведетъ свое дѣло далеко не такъ, чтобы мы оставались ему вполне благодарны. Очевидно, Макрей слышалъ, что въ хорошей исторіи дается мѣсто характеристикамъ дѣйствующихъ лицъ, и самъ пытается сдѣлать тоже самое, описывая патріарховъ. Но подобная задача оказалась выше его силъ. Его характеристики не выдерживаютъ даже снисходительной критики. Прежде всего, онъ крайне монотонны и шаблонны. Если бы кто вздумалъ выписать эти характеристики въ видѣ параллельныхъ столбцовъ, то открылось бы, что въ нихъ слишкомъ много общихъ чертъ, тогда какъ дѣйствительныя историческія лица всегда носятъ печать разнообразія. Къ этому же еще нужно прибавить то, что

1) Sathas. III, σελ. 203—401. Σημειώσεις, σελ. 402—419.

2) Ibidem. Πρόλογ. σελ., 24. 84.

этотъ авторъ, если желаетъ написать особенно сочувственную характеристику, то безъ мѣры сыплеть словами, прибѣгаетъ къ риторикѣ и воображаетъ, что такимъ образомъ онъ достигаетъ цѣли. Большинство патріарховъ изъ-подъ его пера выходятъ „филаретами“, „филагатами“, „афиларгирами“, а подчасъ къ тому же и „филомузами“. Характеристики патріарховъ Макреемъ, поэтому, часто превращаются въ панегирики. Такъ описывая одного патріарха, который всего-на-всего управлялъ церковію константинопольскою пять мѣсяцевъ и четыре дня, авторъ однакожъ характеризуетъ его слѣдующими словами (это—Мелетія): былъ онъ „кротокъ, незлобивъ, благопечителенъ, учителенъ, бережливъ, несребролюбивъ; обращалъ свою любовь ко всѣмъ, любилъ и всѣхъ архіереевъ, и іереевъ, и монаховъ, и архонтовъ, и клириковъ и весь (?) народъ; и во всемъ, по апостолу, былъ вся, да всяко нѣкая приобрѣтеть во Христѣ (сѣл. 273—274). Въ уста этого же патріарха, Макрей влагаетъ длинную молитву своего сочиненія, которой на самомъ дѣлѣ іерархъ, конечно, не произносилъ (сѣл. 264). Еще неправдоподобнѣе характеристика другаго патріарха (Софронія). Этотъ патріархъ, по увѣренію Макрея являлся столь „учителенъ, что каждое его слово и каждый оборотъ рѣчи былъ цѣлымъ поученіемъ“. „Въ толкованіи Священнаго Писанія онъ же проявлялъ сладость, силу и умъ, отличавшіе св. Отца — Златоуста“ (сѣл. 306. 321). Разумѣется, такая характеристика чужда правдивости. Слѣдуетъ замѣтить о характеристикахъ Макрея еще то, что если кого онъ порицаетъ, то онъ ужъ не щадитъ порицаемое лицо, а если кого хвалитъ, перебираетъ чуть не весь панигерическій лексиконъ. Пытается авторъ иногда описывать и литературную дѣятельность патріарховъ, но это у него сводится къ характеристикѣ въ родѣ слѣдующей: „Каллиникъ патріархъ писалъ разное“—и конецъ (сѣл. 234). Въ тѣхъ случаяхъ, когда Макрей говоритъ о цѣлыхъ массахъ людей, ему почему-либо неприятныхъ, въ выборѣ бранныхъ словъ онъ не стѣсняется. Латинянь обзываетъ „волками въ овечьей шкурѣ“ (сѣл. 216), христіанскій народъ константинопольскій именуетъ „дикими звѣрями и бѣшеными собаками“ „безумной паствой“ (сѣл. 210—211). Изъ нѣкоторыхъ, противорѣчивыхъ, сужденій

автора, оказывается, что онъ не всегда имѣетъ надлежащую точку зрѣнія. Одного патріарха (Серафима, отставнаго) за то, что онъ явно держалъ сторону возмущившихся, противъ турецкаго владычества, Грековъ и поощрялъ ихъ продолжать борьбу, Макрею порицаетъ, объявляя его поджигателемъ народа къ убійствамъ, на что—говорилъ онъ—не осмѣливался ни одинъ православный патріархъ, будучи охранителями своего достоинства, какъ учителей мира и кроткихъ учениковъ Христа (σελ. 287—288). А другаго патріарха, столь же явно, дружившаго съ турками и удерживавшаго Грековъ отъ возстанія противъ турецкой власти (говоримъ о Григоріи V-мъ), онъ же склоненъ считать дѣйствующимъ легкомысленно (σελ. 394). Что-нибудь одно: или Серафимъ дѣйствовалъ хорошо, а Григорій нехорошо, или же наоборотъ; другаго взгляда быть не можетъ на это дѣло. Къ недостаткамъ Макрея нужно относить и то, что онъ является яримъ врагомъ всякихъ новшествъ, въ чемъ-бы эти послѣдніе не заключались, хотя бы въ передѣлкѣ патріархомъ своихъ покоевъ. Историкъ долженъ любить все хорошее, не соблазняясь тѣмъ—новое оно или старое. Нѣкоторые изъ указанныхъ нами недостатковъ Макрея видитъ и Сата, но онъ считаетъ ихъ слишкомъ мало важными. Впрочемъ за то Сата указалъ одинъ такой недостатокъ у Макрея, котораго мы сами не замѣтили: оказывается, что благопріятные или неблагопріятные отзывы этого историка о патріархахъ часто зависели отъ того—хорошо или не совсѣмъ хорошо жилось самому Макрею при томъ или другомъ патріархѣ изъ числа тѣхъ, о которыхъ онъ писалъ и при которыхъ жилъ¹⁾. Къ числу достоинствъ „Церковной исторіи“ Макрея Сата относитъ то, что этотъ историкъ замѣчательно точенъ по части хронологіи и не вплетаетъ въ свой рассказъ ничего такого, что прямо къ дѣлу не относится²⁾. Охотно присоединяемся къ приведенному замѣчанію аѳинскаго ученаго: дѣйствительно все это отличаетъ Макрея отъ другихъ греческихъ повѣствователей даннаго періода и заслуживаетъ похвалы. Но мы еще должны указать на благородство мысли разсматриваемаго историка: вѣроятно, какъ чело-

1) Sathas. Bibl. Graeca, III, *Πρόλογος*, σελ. 24. 84—85.

2) Ibidem, σελ. 85.

вѣкъ, состоявшій всю жизнь на педагогической дѣятельности, онъ съ замѣчательною теплою относится даже къ малѣйшимъ успѣхамъ просвѣщенія и никогда не забываетъ восхвалить извѣстнаго патріарха, въ случаѣ, если этотъ обнаружитъ ревность къ устроению новыхъ или усовершенію существующихъ школъ (σελ. 218—19). Въ возникшемъ тогда вопросѣ о томъ, крестить или нѣтъ переходившихъ отъ римскаго католицизма и протестантства въ православіе, Макрей держался болѣе гуманнаго и правильнаго взгляда, между тѣмъ даже нѣкоторые патріархи держались другаго взгляда, не имѣющаго въ свою пользу твердыхъ основаній. Повидимому, Макрей не чужлъ былъ сладостной мечты, что возможно наступленіе такого времени, когда „философы будутъ править и правители философствовать“ (σελ. 245). Вообще, если недостатки „Церковной Исторіи“ нашего историка и довольно значительны, то при помощи критическаго аппарата не трудно оперировать надъ нею, какъ научнымъ источникомъ, съ значительнымъ успѣхомъ. Нѣкоторыя извѣстія Макрея сами по себѣ, непосредственно, очень любопытны; таковы наприм. его извѣстія о патріархѣ Григоріи V-мъ, котораго у насъ считаютъ, по примѣру тшеславныхъ аеинянъ, великимъ іерархомъ единственно, кажется, за то, что Турки присудили его къ висѣлицѣ въ великій день Пасхи.

Аѳанасій Комнинъ Ипсилантисъ. — Ему принадлежитъ сочиненіе: „Церковная и Политическая исторія въ двѣнадцати книгахъ“ (*Εκκλησιαστικῶν καὶ πολιτικῶν εἰς δώδεκα*), Константинополь, 1870 г. Книга эта старая, хотя она издана и недавно; въ наше время въ Греціи напечатано много историческихъ сочиненій, извлеченныхъ изъ пыли библиотекъ. Мало точныхъ извѣстій имѣется объ Аѳанасіи Ипсилантисѣ. Извѣстно, что онъ жилъ въ прошломъ столѣтіи въ Константинополѣ, предполагаютъ, что онъ умеръ въ концѣ этого вѣка, по своему званію онъ врачъ. Рукопись его выше-названнаго сочиненія найдена въ библиотекѣ Синайской метохіи въ Каирѣ. Хотя въ приведенномъ нами заглавіи труда Ипсилантиса указано 12 книгъ (частей), но на самомъ дѣлѣ изданы только 8, 9 и 10 книги—и то не сполна. Не появились въ свѣтъ первые семь книгъ, начинающіяся отъ времени Юлія Кесаря и простирающіяся до паденія

Константинополя, въ виду того, что онѣ не представляютъ интереса; не появились въ свѣтъ и двѣ послѣднія книги (11 и 12), въ которыхъ, вѣроятно было продолженіе того, что теперь напечатано, ибо онѣ утрачены. Въ напечатанныхъ же книгахъ разсказывается исторія Турціи отъ паденія Константинополя до конца 80-хъ годовъ XVIII вѣка. Наибольшее значеніе, конечно, имѣетъ та часть довольно большаго сочиненія Ипси-лантиса, которая имъ написана въ качествѣ современника, — такую частію является вторая половина 9-ой книги и кн. 10. Но мы напрасно будемъ ожидать найти здѣсь много интерес- ныхъ извѣстій. Даже самъ издатель „Исторіи“ Ипси-лантиса (архимандритъ Германъ) очень скромно отзывается о томъ, что можетъ найти читатель въ разсматриваемой части у Ипсилантиса: „читатель часто откроетъ здѣсь осно- ванія полюбить въ авторѣ (Ипсилантисѣ) скорѣе, любящаго свой народъ, эллина, чѣмъ безпристрастнаго историка, скорѣе благочестиваго и добродѣтельнаго старца, чѣмъ ста- рательнаго писателя; въ немъ богобоязненный христіанинъ беретъ перевѣсъ надъ глубокимъ политикомъ“¹⁾. Нашъ читатель, конечно, хорошо пойметъ, что если самъ издатель не могъ иначе характеризовать историка Ипсилантиса, то значить исторія этого писателя не высока по своимъ до- стоинствамъ даже въ той ея части, гдѣ онъ пишетъ какъ современникъ и очевидецъ. Нужно сказать, что церковно- историческій элементъ въ этомъ трудѣ не выдвигается на первый планъ и занимаетъ не видное мѣсто. Нельзя и срав- нивать „Церковную Исторію“ Макрея и „Исторію“ Ипси-лантиса по ихъ значенію для ученаго, занятого изученіемъ церковной жизни Грековъ второй половины XVIII вѣка, хотя оба названные писателя жили въ одно и тоже время и описывали, какъ очевидцы это же самое время. Макрей въ такой же степени богатъ церковно-историческими свѣ- дѣніями, въ какой Ипсилантисъ бѣденъ ими. Съ перваго взгляда является даже не совсѣмъ понятнымъ, почему въ за- головкѣ труда разсматриваемаго писателя исторія его напередъ наименована церковною, а потомъ уже политиче- скою. Правильнѣе было назвать ее или просто политиче- скою, или же напередъ политическою, а потомъ уже цер-

1) Υψηλάντης. Πρόλογος, σελ. 3—4. 9. 11—13.

ковною. Указанная странность находить себѣ достаточное объясненіе въ другой странности: авторъ ведетъ свой рассказъ, располагая его не по порядку царствующихъ султановъ, а по порядку, правившихъ церковію, патріарховъ константинопольскихъ. Но возникаетъ вопросъ: почему авторъ поступилъ такъ, а не иначе? Если онъ хотѣлъ внушить читателю мысль, что истинными правителями греческаго народа патріархи, а не иновѣрные султаны, то, внушая подобную мысль, онъ долженъ былъ бы написать дѣйствительную исторію патріаршаго управленія греческой церкви, подъ владычествомъ Турокъ, а не ограничиваться сухими и малоинтересными замѣтками о константинопольскихъ патріархахъ. Вообще нельзя умолчать, что заглавіе книги вводитъ въ заблужденіе читателя; онъ надѣется встрѣтить здѣсь настоящую церковную исторію, а между тѣмъ встрѣчаетъ здѣсь лишь обрывки и сухія замѣтки по этой части. Несомнѣнно, что каждому, занимающемуся изученіемъ новѣйшей греческой церковной исторіи, необходимо ознакомиться съ трудомъ Ипсилантиса уже ради простаго успокоенія совѣсти: не познакомившись съ этой исторіей, онъ, вѣдь, всё будетъ думать, что въ ней въ самомъ дѣлѣ собраны и не вѣсть какія сокровища историческаго знанія. Въ одномъ русскомъ серьезномъ церковно-историческомъ сочиненіи „лѣтопись“ Ипсилантиса наименована „весьма важною“, разумѣется, для церковнаго историка. Было бы очень желательно узнать, въ какомъ отношеніи книга эта показалась русскому ученому „весьма важною“? Впрочемъ, мы рады были бы и тому, если бы этотъ послѣдній разъяснилъ въ какомъ отношеніи Исторія Ипсилантиса хоть сколько-нибудь важна для церковнаго историка, изучающаго XVIII вѣкъ (или какой другой) жизни церковной.

Наконецъ, Александръ Елладій (*Ελλάδιος*).—Элладій родился около середины XVII вѣка въ Лариссѣ, въ Фессаліи, имѣлъ случай получить достаточное образованіе. Будучи въ Константинополѣ, онъ поступилъ на службу къ англійскому посланнику лорду Паджету (*Πάγκετ*) и съ тѣхъ поръ началъ странствовать по Европѣ, сначала вмѣстѣ съ сейчасъ названнымъ лордомъ, а потомъ и безъ него. Побывалъ въ Венгріи, Австріи, Германіи, Франціи и Англии. Въ этой послѣдней странѣ онъ слушалъ лекціи въ Оксфордѣ и зналъ

англійскій языкъ ¹⁾. О послѣднихъ годахъ его жизни мы не имѣемъ свѣдѣній. Онъ написалъ латинское сочиненіе подъ заглавіемъ: *Status praesens ecclesiae Graecae* („Теперешнее состояніе греческой церкви“), 1714 (указанія на мѣсто печатанія книги нѣтъ на заглавномъ листѣ). Книга почему-то посвящена нашему Петру Великому съ приложеніемъ его портрета. Мы относимъ эту книгу къ числу памятниковъ, имѣющихъ значеніе въ дѣлѣ изученія греческой церкви XVIII вѣка главнымъ образомъ потому, что она издана въ указанномъ вѣкѣ. Что же касается ея церковно-историческаго содержанія, то мы затрудняемся сказать, собственно какая эпоха греческой церкви характеризуется здѣсь. Въ книгѣ сообщается много извѣстій о превосходномъ состояніи греческихъ школъ въ Турціи; но въ такомъ состояніи эти школы не находились ни въ XVII, ни въ XVIII вѣкахъ, да и сомнѣваемся: такъ ли онѣ хороши и теперь, какими описалъ ихъ Элладій. Школы Элладія суть школы воображаемыя. Что такихъ превосходныхъ школъ въ его время совсѣмъ можетъ быть не было въ Греціи, въ этомъ удостовѣряетъ самъ Элладій, не замѣчая того; ибо, по его словамъ, въ превосходныхъ школахъ Греціи, ни чуть не уступающихъ по достоинству нашимъ теперешнимъ гимназіямъ, если вѣрить показаніямъ автора, — было по одному нищему учителю, при чемъ ни книгъ для учениковъ, ни денегъ на содержаніе ихъ — не имѣлось. Элладій сочинилъ свои школы изъ патріотизма, имѣя въ виду восхвалить греческій народъ и возвысить его въ глазахъ западныхъ христіанъ. Элладій много говоритъ о благочестивыхъ обычаяхъ Грековъ, о необыкновенномъ уваженіи ихъ къ семейному началу и т. д.; но обо всемъ этомъ онъ говоритъ такъ, какъ это дѣлается въ проповѣдяхъ, произносимыхъ въ похвалу какого-либо знаменитаго покойника. Такую благочестиво-идиллическую жизнь Греки вели можетъ быть лишь во дни св. Андрея Первозваннаго, котораго этотъ народъ считаетъ просвѣтителемъ Византіи. Восхваляя безъ мѣры свой народъ, Элладій иногда говоритъ положительныя нелѣпости. Такъ раскрывая дикую мысль, что будто это очень хорошо, если у Грековъ нѣтъ ни типографій,

1) Σάθας. *Νεοελλην: φιλολογία*, σελ. 447—448.

ни своихъ печатныхъ книгъ, Элладій въ доказательство ея правоты указываетъ на то, что гдѣ есть печать, тамъ встрѣчаются и великія злоупотребленія этой послѣднею. Одинъ изъ примѣровъ такого злоупотребленія, вслѣдъ за тѣмъ, онъ и приводитъ, говоря: *ut taceam jam abusum horrendum, quoties nempe Sanct. Scripturarum fragmentis ad ἀφελῶνας suos emungendos utuntur* (р. 165). Авторъ, очевидно, совсѣмъ заболтался. Впрочемъ спѣшимъ оговориться. Книга Элладія не лишена значенія, въ ней разбросано немало микроскопическихъ замѣтокъ большой важности, но все же эта книга можетъ быть полезна только въ очень опытныхъ рукахъ: нужна полная бдительность, чтобы авторъ не ввелъ читателя въ заблужденіе своимъ апологетизмомъ. Отзывы его о Кириллѣ Лукарѣ имѣютъ высокую научную цѣнность. Элладіева критика новогреческаго перевода книгъ новозавѣтныхъ, сдѣланнаго Калліополитомъ, какъ думаютъ подъ вліяніемъ протестантовъ, — превосходна, и мы съ истиннымъ наслажденіемъ читали эти страницы въ книгѣ, но къ сожалѣнію трактатъ автора относительно новогреческаго перевода почти выходитъ за предѣлы церковно-историческихъ интересовъ, и входитъ въ область филологіи ¹⁾.

V. Источники для изученія греческой церкви нашего вѣка. — Такими источниками служить *все, и ничего*. *Все*, не исключая плюгавой фанаріотской газетки „Востокъ“, теперь уже покойной, издававшейся въ Москвѣ — въ свѣтской прессѣ, и все, не исключая бессмысленнаго апокрифа подъ названіемъ: „Сонъ Богородицы“, не такъ давно кѣмъ-то раздаваемаго палестинскимъ паломникамъ въ Иерусалимѣ, въ качествѣ весьма назидательнаго произведенія — въ духовной литературѣ. Все — говоримъ — и ничего. *Ничего*, потому что все и ничего въ настоящемъ случаѣ являются понятіями тождественными. Главное же, въ настоящее время, когда исторія нашего вѣка еще не закончилась, не легко сказать, какія теченія въ церковной жизни греко-восточнаго міра возобладаютъ,

¹⁾ Нѣкоторыя изъ тѣхъ книгъ, которыя обозрѣвались нами выше, мы могли отыскать только въ библіотекѣ нашего достопочтеннѣйшаго профессора Е. Е. Голубинскаго, любезно предоставившаго въ наше распоряженіе эти свои сокровища, за что и приносимъ ему глубочайшую благодарность.

и потому какіе документы получаютъ для историка особенную важность и значеніе. Всѣмъ извѣстно, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ спокойно и правильно изучать совокупность явленій своего времени. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка общее вниманіе людей, интересующихся дѣлами церкви, обращало на себя вниманіе освобожденіе элладской церкви изъ-подъ фанаріотскаго ига. Сколько радужныхъ надеждъ возлагалось на освободившуюся отъ посторонняго давленія церковь молодого королевства. Теперь же немногіе уже остаются подъ вліяніемъ этихъ надеждъ. Несомнѣнно, эта церковь ничего не приобрѣла отъ того, что сдѣлалась независимою, а потеряла весьма много—и притомъ самого дорогого. Точка зрѣнія на положеніе Эллады мѣняется. И быть можетъ намъ скоро придется собирать документы, показывающіе: что потеряла, а не что приобрѣла указанная церковь, вслѣдствіе своего освобожденія изъ-подъ власти фанаріотовъ. Тоже самое должно сказать о церкви болгарской. Давно ли всѣ мы восторгались отдѣленіемъ Болгаріи отъ константинопольскаго патріархата, какъ счастливой зарей, занимающейся надъ, пробудившимся къ новой жизни, народомъ. Восторгаемся ли мы этимъ событіемъ теперь? Не думаю. Освободившись отъ ига фанаріотскаго, Болгарія въ самое короткое время растеряла то, чѣмъ силенъ былъ этотъ долго поработанный народъ—святые преданія родной старины, которыя своими корнями держались на церковной почвѣ Константинополя. Новые документы получаютъ особенное значеніе,—это документы, въ которыхъ говорится объ упадкѣ значенія церкви и оскудѣніи вѣры въ княжествѣ болгарскомъ. И въ Элладѣ, и въ Болгаріи религіозность новаго образца, на манеръ покладистой французской религіозности, приобрѣтаетъ особенную силу, послѣ того какъ власть патріарха константинопольскаго тамъ и здѣсь окончательно пала. Говоримъ все это затѣмъ единственно, чтобы уяснить, какъ трудно историку нашего времени стать на настоящую точку зрѣнія въ вопросѣ: хорошо это или худо, что Эллада и Болгарія уже не подъ властію вселенскаго патріарха? А затрудняясь этимъ вопросомъ, онъ затруднится и тѣмъ, на какихъ документахъ остановить свое вниманіе какъ на главныхъ источникахъ при изученіи греко-восточной церкви нашего времени? Только съ теченіемъ

времени все это разъяснится, и только тогда-то можно будетъ писать исторію указанной церкви нашего вѣка.

Просимъ читателя припомнить, что Эллада и Болгарія съ ихъ церквами насъ мало интересуютъ, такъ какъ предметомъ нашего особеннаго вниманія въ дальнѣйшемъ трудѣ будетъ константинопольская церковь и явленія, съ ней связанныя (см. „Введение“). Если же мы заговорили сейчасъ объ Эладѣ и Болгаріи, то сдѣлали это по слѣдующей уважительной причинѣ. Главнѣйшіе источники для изученія исторіи греческой церкви XIX вѣка въ указанномъ отношеніи находятся въ тѣхъ самыхъ книгахъ, въ которыхъ раскрывается исторія отпаденія Эллады и Болгаріи отъ константинопольской церкви. Почему-жъ такъ, понять не трудно. Касаясь исторіи отдѣленія этихъ двухъ странъ отъ власти константинопольскаго патріарха, невозможно было не касаться въ то же время и разныхъ вопросахъ о патріархѣ, его власти, объ архіереяхъ прежняго типа и ихъ отношеніяхъ къ народу и т. д., и т. д. Такимъ образомъ появились въ свѣтъ книги, которыя собственно ведутъ рѣчь объ Эладѣ и Болгаріи, но которыя въ то же время даютъ много очень цѣнныхъ матеріаловъ по исторіи главнѣйшей греческой церкви, т. е. константинопольской. Къ подобнаго рода источникамъ относится прежде всего сочиненіе знаменитаго Константина Икономоса (*τοῦ ἐξ Οἰκονόμων*) подъ заглавіемъ: *Τριακοταετηρίς ἐκκλησιαστικῆ, ἢ συνταγματικῶν ἱστορικῶν τῶν ἐκκλησιαστικῶν συμβεβηκότων, ἀπὸ 1821 μέχρι 1852* (Церковное тридцатилѣтіе или историческое описаніе церковныхъ происшествій), Афины, 1864. Икономосъ (1780—1857), этотъ замѣчательный ученый, принималъ видное участіе въ устройствѣ эладской церкви послѣ ея отдѣленія отъ константинопольской, а поэтому, много говоритъ въ своей книгѣ вообще о патріархѣ и греческихъ архіереяхъ, и церковной жизни константинопольскаго патріархата. Особенную цѣнность придаетъ книгѣ Икономоса какъ то, что въ ней много документальнаго матеріала, такъ и то, что Икономосъ не сочувствовалъ отдѣленію эладской церкви отъ константинопольской и значить могъ быть безпристрастиѣ въ критикѣ дѣлъ этой послѣдней, чѣмъ другіе греческіе писатели, сторонники отдѣленія. Другимъ важнымъ источникомъ нашего дѣла должно служить трехтомное сочиненіе нѣмца Mauger'a.

Оно возникло при тѣхъ же обстоятельствахъ, когда Эллада отдѣлилась отъ Константинополя въ церковномъ отношеніи, и носитъ заглавіе: *Das Griechische Volk in offentlicher, kirchlicher Beziehung*. (В. 1—III), Heidelberg, 1835 („Греческій народъ въ общественномъ и церковномъ отношеніи“ и пр.). Сочиненіе драгоцѣнно во многихъ отношеніяхъ. Авторъ ея, Мауреръ, былъ членомъ регенства въ Элладѣ во время малолѣтства баварскаго принца Оттона, провозглашеннаго королемъ Эллиновъ—и жилъ въ качествѣ члена регенства въ Афинахъ. „Источниками сочиненія, по словамъ автора служили относительно прежняго состоянія страны (а это-то намъ и нужно) или прямо оффиціальныя извѣстія или по крайней мѣрѣ свѣдѣнія, собранныя оффиціальнымъ путемъ, или же свѣдѣнія, полученныя отъ частныхъ, но благонадежныхъ людей“ (Vorrede, XV). Несомнѣнно, что книга имѣетъ характеръ первоисточника. Она можетъ служить авторитетнымъ пособіемъ для историка, изучающаго константинопольскую церковь, такъ какъ въ ней собрано много извѣстій, замѣтокъ и свѣдѣній по этой части за время, предшествующее отдѣленію элладской церкви отъ патриаршей. Мы произнесемъ лучшую похвалу Мауреру, если скажемъ, что вся нѣмецкая, значительнаго объема, литература, появившаяся послѣ этого автора и посвященная исторіи молодого эллинскаго королевства, касаясь отношеній константинопольской церкви къ элладской до отдѣленія послѣдней отъ первой, часто лишь буквально повторяетъ по этому вопросу извѣстія все того же Маурера.—Столь же полезнымъ источникомъ знаній для разсматриваемаго историка церковнаго могутъ быть и важнѣйшія изъ сочиненій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ такъ называемой болгарской схизмѣ. Эта схизма заставила съ такимъ же усердіемъ критиковать дѣла и порядки константинопольской церкви, съ какимъ это происходило и раньше по вопросу объ отдѣленіи Эллады отъ Константинополя въ церковномъ отношеніи. Изъ книгъ, сюда относящихся и разсуждающихъ на основаніи документовъ или же сообщающихъ самыя документы, наиболѣе видное мѣсто занимаетъ: „Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета митрополита московскаго по дѣламъ православной церкви на Востокъ“ (Петерб. 1886). Весь этотъ томъ состоитъ изъ документовъ, изъ выдержекъ изъ

такихъ же документовъ и сужденій Филарета — и имѣеть высокую научную цѣну. Помѣщенные здѣсь матеріалы обхватываютъ эпоху отъ 1858 года до 1867, но эти матеріалы проливаютъ свѣтъ и на болѣе раннее положеніе вещей въ интересующей насъ, константинопольской, церкви. Не мало можно находить свѣдѣній о положеніи этой церкви и въ другихъ томахъ изданія: „Собраніе мнѣній Филарета“. Было бы несправедливо обойти молчаніемъ и очень полезную для нашего дѣла книгу извѣстнаго грекофила, Т. И. Филиппова: „Современные Церковные вопросы“ (Петерб. 1882). Около половины книги посвящено изученію константинопольской церкви и греко-болгарской „распрѣ“. Авторъ большею частію приводитъ документы или судить, опираясь на нихъ. Какихъ воззрѣній держится авторъ, это видно изъ эпиграфа въ его книгѣ, взятаго у Григорія Богослова: „не побѣдiti ищемъ, но пріяти братію, ихъ же (Болгаръ, пояснимъ мы) разлученіемъ терзаемъ“.

Для историка въ разсматриваемомъ отношеніи—глубокій интересъ представляютъ дневники, записки и сочиненія, написанныя на основаніи личныхъ наблюденій, — такихъ лицъ, которыя долго жили или живутъ и теперь на Востокѣ, и которые усердно изучали состояніе греческой церкви въ наше время. Упомянуть ли здѣсь о преосвящ. Порфиріи Успенскомъ, изучившимъ христіанскій Востокъ, какъ никто другой, долго живя въ этой странѣ? Думаемъ, что это лишнее. Много онъ написалъ и напечаталъ, а многое только написалъ, но не успѣлъ напечатать. Чего можемъ мы ожидать отъ изданія ненапечатанныхъ произведеній еписк. Порфирія, объ этомъ превосходно можно судить по отрывкамъ изъ его дневника подъ заглавіемъ: „Книга бытія моего“ (Сырку. Описаніе бумагъ е. Порфирія. Петерб. 1891). Изъ другихъ лицъ, заслуживающихъ упоминанія по такимъ же основаніямъ, укажемъ: на проф. В. Григоровича, написавшаго: „Очеркъ путешествія по европейской Турціи“ (Казань, 1848), гдѣ можно находить свѣдѣнія о греческихъ школахъ и вообще о духовномъ просвѣщеніи; на К. Н. Леоптьева, составившаго художественные рассказы подъ скромнымъ заглавіемъ: „Изъ жизни христіанъ въ Турціи“ (Т. I—III. М. 1876), въ которыхъ нѣтъ ни одной черты, которая не находила бы себѣ подтвержденія въ литературѣ,

посвященной тому же дѣлу: онъ не любитъ пускать слова на вѣтеръ; наконецъ, на архимандрита Антонина Капустина, который издалъ свои путевыя записки, подъ не громкимъ заглавіемъ: „Поѣздка въ Румелію“ (Петерб., 1874) и: „Изъ Румеліи“ (1886 г.), записки обширныя, тѣмъ болѣе драгоценныя, что онѣ, поражая своею необычайною свѣжестью и новизною, до сихъ поръ остаются невѣдомыми въ наукѣ. Сочиненіе высокопреподобнѣйшаго о. Антонина обилуетъ остроумнѣйшими афоризмами; вотъ изъ числа ихъ одинъ, который дорогъ сердцу каждаго историка: „на бѣду или на счастье — и исторія есть то же фактъ, и то же сила, и порознь и вмѣстѣ, смотря по тому, кто чего въ пей ищетъ“. По направленію мысли, е. Порфирій—грекофобъ, Григоровичъ—славянофилъ, Леонтьевъ — грекофилъ, а о. Антонинъ во всякомъ случаѣ не грекофилъ.

Мы исчислили лишь малую часть источниковъ для XIX вѣка, но мы и не брались за что-либо большее: *все* не подлечитъ изчисленію.

VI. Православный палестинскій сборникъ. — Подъ такимъ неимпозантнымъ заглавіемъ. въ теченіи послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ Православное Палестинское Общество въ Петербургѣ издало въ свѣтъ цѣлую серію памятниковъ перво-степенной важности для историка греческой церкви. Кажется, немного распространенъ этотъ „Сборникъ“ въ публикѣ, но всѣ любящіе духовное просвѣщеніе отъ души возблагодарятъ указанное Общество за его просвѣтительную дѣятельность. Изданіе „Сборника“ съ самаго начала появленія Общества сдѣлалось одной изъ цѣлей его. Въ уставѣ Палестинскаго Общества, между прочимъ читается: § 1: „Общество учреждается исключительно *съ ученою* и благотворительною цѣлями, для достиженія которыхъ ему предоставляется: собирать, разработывать и распространять свѣдѣнія о св. мѣстахъ Востока“; § 3: „Общество заботится о приведеніи въ извѣстность и сообщеніи такихъ свѣдѣній, которыя остаются безъ употребленія въ частныхъ рукахъ и въ архивахъ разныхъ мѣстъ“; § 7: „Собіраніе и распространеніе свѣдѣній Обществомъ совершается посредствомъ чтеній въ собраніяхъ общества, а также печатныхъ записокъ, періодическихъ и другихъ сочиненій и сборниковъ, издаваемыхъ въ свѣтъ“. Въ силу этихъ параграфовъ устава,

Общество, начиная съ 1882 года успѣло напечатать (а это далеко не все, что печатасть оно) болѣе 40 томовъ и выпусковъ, имѣющихъ великое научно-историческое значеніе. Эти томы и выпуски могутъ быть превосходнымъ матеріаломъ для церковнаго историка — станеть ли онъ изучать старое время, съ IV вѣка, или же новѣйшее до настоящей минуты. Велики заслуги Общества для науки. И это результатъ лишь 12-лѣтней дѣятельности? Какъ же разростется его дѣятельность ради науки въ будущіе десятки десятковъ лѣтъ? Но и теперь Обществомъ сдѣлано такъ много, что невозможно не благодарить его за просвѣщенную его попечительность о наукѣ. Чувствомъ благодарности наполняется и наше сердце, когда взираемъ на серію томовъ церковно-историческаго содержанія, отпечатанныхъ Обществомъ. Но чувства, какъ извѣстно, не знаютъ логики. О логикѣ совсѣмъ забыли и мы, намѣреваясь говорить о просвѣщенныхъ плодахъ Палестинскаго Общества. Законы логики требовали, чтобы мы упомянули объ изданіяхъ Общества, имѣющихъ отношеніе къ изученію новѣйшей греческой церковной исторіи XV, XVI, XVII, XVIII и XIX вѣковъ тамъ, гдѣ мы вели рѣчь объ источникахъ для каждаго изъ этихъ вѣковъ. Но мы не пожелали этого сдѣлать, пошли наперекоръ логикѣ. А поступили мы такъ потому, что, въ знакъ благодарности Обществу, возъмѣли намѣреніе сказать объ источникахъ, изданныхъ этимъ обществомъ—не порознь, а въ совокупности, чтобы такимъ образомъ наглядно показать: чтѣ и на нашу скромную долю пало отъ просвѣщенныхъ щедротъ названнаго учрежденія. Вотъ перечень источниковъ, иногда нѣкоторой, а чаще величайшей важности для нашего дѣла, обязанныхъ появленіемъ зъ свѣтъ Палестинскому Обществу: „Расказъ и путешествіе къ св. мѣстамъ Даліила митрополита Ефесскаго, 1493—1499 г.“, издано подъ редакціей Дестуниса. Паисія Агіапостолиита митрополита Родскаго — „Описаніе св. Горы Синайской и ея окрестностей“, между 1577—1592 г., подъ ред. Пападопуло и Дестуниса. „Хожденіе Трифона Коробейникова“, 1593—1596 г., подъ ред. Лопарева. „Проскинитарій“ Арсенія Суханова, 1649—1653 года, съ двумя „приложеніями“ того же автора, подъ ред. профессора Ивановскаго (это записки Арсенія, странствовавшаго по Востоку: подо-

зрительность въ отношеніи къ Грскамъ заставляла его чуть не заглядывать во всё уголки каждаго посѣщеннаго имъ дома; а цѣль—узнать точнѣ Грековъ, изошряла его критическую наблюдательность. Знаменитый памятникъ!). „Описаніе турецкой имперіи“ (съ рукописи), между 1670—1686 гг., подъ ред. профессора Сырку. „Странствованія Василя Григоровича—Барскаго по св. мѣстамъ Востока съ 1723 по 1747 годъ“, 4-е части со 145 рисунками, цѣна 25 р., подъ ред. Барсукова—„съ подлинной рукописи“. (Это такой памятникъ, равнаго которому нѣтъ ни у Грековъ, ни въ Европѣ, когда дѣло касается изученія внутреннихъ сторонъ греческой церкви XVIII вѣка. Достоинства его мы можемъ обозначить только слѣдующимъ неправильнымъ, но на этотъ разъ наиболѣе подходящимъ выраженіемъ: онъ, памятникъ, слишкомъ хорошъ.) „Описаніе путешествія отца Игнатія въ Царьградъ, аеонскую Гору, св. Землю и Египеть“, 1766—1776 г., подъ ред. Хитрово. „Православіе въ св. Землѣ“ (по личнымъ наблюденіямъ, заключаетъ описаніе историко-статистическое всѣхъ сторонъ іерусалимскаго патріархата), соч. Хитрово. Изданія Палестинскаго Общества изящны и даже роскошны—на манеръ лучшихъ заграничныхъ изданій того же рода.

Превосходно; но однакожь мое ли дѣло хвалить и превозносить *такое* Общество, какъ Общество Палестинское.....? „Малъ бѣхъ (и нынѣ есмь) въ братіи“ и единыя овцы не имѣю. Но меня ободряетъ девизъ Общества: „не умолкну ради Сіона и ради Іерусалима не успокоюсь“. И я „не умолкну“... и я „не успокоюсь“, хотя и сознаю, что для такого назначенія, какъ возвеличеніе благословенныхъ трудовъ Общества болѣе пригодны были бы лучшіе люди, краснорѣчивѣйшіе и отмѣннѣйшіе ¹⁾).

А. Лебедевъ.

¹⁾ Когда я начиналъ излагать содержаніе только-что оконченной мною главы, я имѣлъ намѣреніе, кромѣ обзора источниковъ—сдѣлать краткія замѣтки относительно ученой литературы предмета; но такъ какъ эта глава вышла велика и я болѣе не осмѣливаюсь испытывать теперьже терпѣніе читателя перечнемъ книгъ, ихъ названій, изданій, ихъ авторовъ и т. д., то и рѣшился замѣтокъ о литературѣ здѣсь не дѣлать, оставляя это до слѣдующихъ главъ, гдѣ при томъ или другомъ удобномъ случаѣ, подъ строкой, и попытаюсь разъяснить значеніе той или другой книги, входящей въ составъ указанной литературы.